

ДМИТРИЙ ДАНКОВ

УЛЕЙ: ИЗГНАНИЕ ИЗ АДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Данков

Улей: Изгнание из ада

«Автор»

2023

Данков Д. А.

Улей: Изгнание из ада / Д. А. Данков — «Автор», 2023

Многие спорят можно ли выйти из Матрицы, а герои книги решили попробовать и у них получилось. Вместе с собой они захватили ни много ни мало все человечество, вытащив его из ада повседневности, тревог и кошмаров. Но, как оказалось жить без них не так-то просто и мир был низвергнут в пучину еще более глубокого ужаса, двери в который были открыты героями книги. Возможен ли секс с искусственным интеллектом? Что будет если кто-то разработает язык программирования для нашего мозга? И что же такое на самом деле Матрица? Все ответы внутри.

© Данков Д. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Улей	5
Двери в кошмар	6
Утро судного дня	6
Сергей	12
Хрустальный мозг	16
Особенности восприятия	21
Путь перемен. Первый шаг	30
Путь перемен. Странное собеседование	32
Путь перемен. Кроличья нора	40
Путь перемен.	52
Чем дальше в лес...	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дмитрий Данков

Улей: Изгнание из ада

Улей

*«Если и прошлое и внешний мир существуют только в сознании,
а сознанием можно управлять
– тогда что?»*

Джордж Оруэлл

Часть первая

Двери в кошмар

Утро судного дня

– «Кто бы мог подумать, что человечество будет так легко уничтожить? Простой ролик, запущенный в социальные сети, и вот – мир уже летит в ад на всех парах. А мы ведь просто хотели победить. Победить в войне, которую всегда проигрывали, ну, и попутно немного заработать, не без этого, конечно. А в итоге – открыли двери в кошмар, да еще в таком месте, где закрыть их сложнее всего, – у себя в голове», – Сергей в задумчивости постучал по стеклу костяшками пальцев.

Он стоял у панорамного окна своей квартиры на двадцатом этаже одной из башен «IQ-Квартал» в Москва-Сити и смотрел на горящий в нескольких местах город. Столбы густого черного дыма поднимались в небо, а к ним с разных сторон спешили пожарные вертолеты МЧС. С такого расстояния они были похожи на больших рассерженных шмелей, спешащих по своим делам. Один из вертолетов, вынырнув из-за башни «Федерация», направился к ближайшему пожару, таща за собой ковш с водой, которую зачерпнул рядом, в Москва-реке.

«Ну, конечно, это был не совсем простой ролик, даже очень непростой, но все же – такой эффект за столь короткое время», – Сергей покачал головой и сделал глоток виски из большого хрустального бокала. Лед приятно звякнул о стекло. Он вздохнул и, упершись лбом в прохладное стекло окна, закрыл глаза.

Несмотря на то, что было еще только одиннадцать утра, он решил вместо кофе выпить чего-нибудь покрепче и поехать в офис после обеда. Все равно встреча команды назначена только на три часа дня.

Они планировали поделиться идеями по решению проблемы, которая, подобно черной дыре, засасывала в себя их мир, реальность, действительность, матрицу – в конце концов, называйте, как хотите. Чем бы ни была эта реальность, ее буквально разрывало на части.

Несколько минут он молча наблюдал за трудолюбивыми «шмелями», что таскали воду из Москва-реки, спеша потушить разгорающиеся, судя по растущим столбам черного дыма, пожары.

Нужно было работать, но фокус все время ускользал. Отчаяние и страх, усиливающиеся с каждой минутой, парализовали волю, лишали сил, и он с трудом подавлял желание все бросить и, накрывшись с головой одеялом, уснуть. Не видеть, не слышать, не участвовать. Все, что могли, они уже сделали, теперь мавр может и свалить. Останавливало понимание невозможности: найдут – и все равно заставят, лучше уж самому, с энтузиазмом и огоньком в пьяных глазах.

«До трех еще полно времени, можно собраться с мыслями и сделать наброски идей, ну, или просто пить, глядя на умирающий город и предаваясь экзистенциальной тоске».

Сергей хмыкнул и, отвернувшись от окна, подошел к барной стойке. Взял с нее пульт и включил телевизор, что занимал всю стену напротив. Попереключав каналы, он выругался.

Происходящее не только в Москве, но и по всему миру, было настолько удручающим, что желание попробовать разобраться в проблеме и весь рабочий настрой моментально испарились. Увиденное полностью лишило его воли. Вероятно, все же придется просто пить.

Журналисты основных СМИ, ранее соревновавшиеся, как получше да пострашнее упаковать горячий материал, явно выдохлись, так как реальность превосходила любую фантазию – ни добавить, ни убавить.

«Патовая ситуация для этой братии: врать не о чем, да и спрятать уже ничего не получится, все на виду, кошмар развивается одинаково по всему миру, везде одно и то же. Никакой

повестки у них, бедных, нет, потому что дать ее некому. Сильные мира сего попрытали головы в песок и самоустранились, выставив наружу, для общения народом, заикающихся от волнения пресс-секретарей», – Сергей снова сделал большой глоток, поморщился, задержав дыхание, и медленно выдохнул.

«М-да, начальственных задниц вокруг вроде все так же много, а какую лизать – непонятно, для порядочного писаки это – разрыв шаблона... Сначала пытались сделать вид, будто ничего не происходит, потом с различных трибун прозвучали объяснения, одно другого нелепее, и, в конце концов, власть предержавшие просто слились. Группа информационной подтанцовки осталась без руководящих указаний.

Для журналиста всегда есть контекст, определяемый повесткой, получаемой от спонсора, и в этот самый контекст он укладывает, трамбует, я бы сказал, информацию, что приходит к нему из внешнего мира. Никакой голой правды не бывает – только обслуживаемый информационный вектор. И вот тут мы действительно в ступоре: все вектора осыпались за пару дней, как осенние листья с деревьев под порывом ветра. Их сдуло ураганом, который пришел из так называемого «информационного пространства», куда эти деятели столько лет старательно гадили».

Основные СМИ транслировали происходящее на улицах крупнейших городов мира в режиме «по comments», то есть происходило невозможное – транслировалась именно голая правда, даже без монтажа, просто стрим с камер. Реальность, как она есть, без купюр и интерпретаций: горящие на улицах машины, черный дым из окон небоскребов, толпы мечущихся по улицам людей, трупы на центральных улицах городов, которые никто и не думает убирать.

С одной стороны – это уже ставший обычным фон городской жизни, особенно для Франции и США, если бы не одна особенность: военные и полиция в этой вакханалии были частью массовки. По улицам разъезжала бронетехника, над городами барражировала авиация. Танки, стреляющие по правительственным зданиям в центре города, ранее бывшие российским эксклюзивом, стали частью городского пейзажа мировых столиц. Сложно было понять, что больше пугало: сама картинка, транслируемая телеканалами, или отсутствие светлого нарратива журналистов – никто не даже не пытался объяснить происходящее, вселить надежду или хотя бы обозначить проблему. Мир стремительно несся в дурно пахнущую черную дыру, а крайнего так до сих пор и не нашли. Сама суть происходящего не давала возможности ткнуть в кого-то пальцем и назначить врагом.

«А в это время один из ответственных за этот бедлам сидит сейчас в своей прекрасной квартире и смотрит на последствия содеянного по телевизору. Творец Армагеддона, соратник самого Дьявола – или, скорее, Дьяволицы. И ведь никакой войны, ракетных ударов и прочего пафоса типа марширующих солдат и делающих селфи на фоне военных действий дебильных европейских политиков. Легкое движение пальцев над клавиатурой – и костяшки домино посыпались, цепляя друг друга, выворачивая наш мир наизнанку», – Сергей посмотрел в окно на панораму горячей Москвы, потом на стакан в своей руке.

«Интересно, безопасно ли сходить в магазин? Вискарь скоро закончится, а без алкоголя станет совсем тоскливо. Или лучше послать за ним охрану, что ждет в гараже? Но вот вернутся ли?»

От этих мыслей его отвлек звук пришедшего сообщения в «телеге» – коллеги поделились ссылкой на видео. Сергей ткнул на ссылку и перевел картинку с телефона на телевизор.

На Rutube в топе был ролик с американским президентом, который, набравшись смелости выйти в эфир, во время обращения к нации вдруг закричал, в ужасе уставившись в потолок кабинета, затем, отбросив кресло, на котором сидел, с такой силой, что оно своей спиной разбило окно, буквально нырнул под знаменитый на весь мир стол «орального кабинета». Камера, снимавшая его, резко повернулась и упала на пол, уставившись в стену, транслируя

висящий над камином портрет Рузвельта. Раздались выстрелы, крики, звуки бьющегося стекла – и трансляция прервалась.

Мнения, публикуемые под роликом, разделились: одна группа комментаторов недоумевала, какого воображаемого друга увидел старый псих на этот раз, другая предполагала, что старик наконец-то полностью слетел с катушек, и лидер всего свободного и демократического, восьмой год издевающийся над планетой, наконец-то решил выйти в заслуженную отставку, пустив себе пулю в голову. Многие сожалели о том, что самое интересное не попало в эфир, – человечество так и не узнает, были ли у него вообще мозги. Сергей покачал головой. Пролистал несколько пабликов, на которые был подписан: везде одно и то же – люди делились ссылками на ролики, один другого круче, смотреть которые не было никакого желания.

«Карпатов, похоже, прав в своих расчетах: у нас осталось примерно семь дней, после чего мир, каким мы его знаем, исчезнет. Упадет последняя костяшка домино, и мы увидим иной рисунок – наш новый дивный мир. Семь дней разрушения – вот чем закончится наша история. Хорошо, если только наша, как вида, а не всей планеты, что весьма вероятно – в сложившихся-то обстоятельствах и при общем ядерном потенциале».

Сергей вздохнул и выключил телевизор. Бросив пульт на стойку, он встал, потянулся с хрустом в суставах и, взяв со стойки стакан, снова подошел к окну. Оглядел город. Пока он смотрел новости, пожаров прибавилось, один из них возник совсем рядом, в районе Трехгорки. Горело ярко, так, что языки огня были видны даже над крышами зданий. Слева под окнами через Москва-сити с сиренами пронеслась колонна пожарных машин.

«Блин, все-таки нужно срочно что-то придумать, так ведь действительно все развалится на части», – подумал он и провел рукой по лицу.

Сергей собрался было отойти от окна, как вдруг его внимание привлекли полицейские «Тигры», что на большой скорости влетели на парковку «Афимолла» прямо у него под окнами. Из броневиков выскочили бойцы в черной броне и заняли позиции под прикрытием машин, направив стволы автоматов на крышу торгового центра, туда же повернулись пулеметные турели на крышах боевых машин. За ними на парковку, мигая сиреной, влетел черный «Патриот» с синей полосой по бортам и резко остановился за одним из броневиков. Из джипа выпрыгнул человек в сером городском камуфляже, видимо, командир, так как на нем не было черной брони и шлема, как на бойцах из броневиков. Командир задрал голову и, глядя на крышу торгового центра, приложил ладонь козырьком ко лбу. Было видно, как он поднес руку с рацией к лицу и, оживленно жестикулируя, что-то в нее говорит. С высоты двадцатого этажа происходящее выглядело несерьезно, как в кукольном мультфильме. Человечки суетились, меняли позиции, целились в кого-то на крыше торгового центра.

Сергей, сколько ни напрягал зрение, не мог разглядеть там ничего криминального – крыша была пуста. Он принес от другого окна телескоп, поставил его и навел на «Афимолл». Мощная оптика даже с такой высоты позволяла разглядеть пятна краски, трещины в покрытии и занесенный на крышу мусор, а сквозь стекло купола торгового центра он видел людей, что ходили внутри по магазинам, но ничего достойного этой массовки с оружием не происходило. Сергей озадаченно пожал плечами и отвернулся от телескопа. И в этот момент бойцы внизу открыли огонь. Приглушенные стеклами звуки выстрелов походили на треск петард. Он посмотрел вниз. Пули крошили фасад торгового центра, сыпались стекла, летели осколки бетона и куски рекламных конструкций.

Сергей испугался, видя это безумие. Внутри же люди! Что они творят?! Зачем?! Тревога, зародившись где-то в солнечном сплетении, сжала сердце, скрутила живот и быстро добралась до горла. У него перехватило дыхание. Прижавшись лбом к стеклу, продолжая смотреть вниз выпученными глазами, он медленно сполз на пол и встал на колени. Одной рукой Сергей держал стакан, стиснув его с такой силой, что побелели костяшки пальцев, другой судорожно пытался расстегнуть ворот рубашки – сердце бешено стучало в груди, не хватало воздуха. В

этот момент с его зрением произошла странная метаморфоза – оно расфокусировалось, а когда он, тряхнув головой и проморгавшись, снова посмотрел вниз, то от испуга отшатнулся назад и сел на пол. Стакан выпал из руки и покатился, расплескав остатки виски и льда, звонко ударился об окно.

Раскрыв рот, Сергей смотрел вниз, где на крыше торгового центра бесновался совершенно нелепый зверь, напоминающий Змея Горыныча из русской народной сказки. Зеленое чудовище с тремя головами и цветным костяным гребнем по хребту пыталось достать бойцов спецназа, свесившись с крыши и загребая воздух здоровенными лапами с длинными блестящими белыми когтями, почти дотягиваясь до солдат. Три головы на длинных шеях, выдыхая из огромных ноздрей дым, щетинясь костяными воротниками, не отставали и пытались укунить перемещающихся за «Тиграми» бойцов. Передвигались головы очень быстро и ловко на своих длинных шеях, каждая словно жила своей собственной жизнью, высматривая себе цель и пытаясь достать ее.

Пули не наносили зверю никакого ущерба, даже не оставляли следов на его шкуре, чего нельзя было сказать о фасаде торгового центра, который за несколько минут был полностью изуродован. Дракон раскидал припаркованные рядом со зданием торгового центра машины, пытаясь попасть в броневики спецназа, и одна из них все-таки ударилась в один из них и загорелась.

Дракон передвигался на своих смешных коротких и толстых лапах довольно проворно, иногда пробегая прямо по стеклянному куполу «Афимолла» без каких-либо разрушительных последствий. Во время перемещений то одна, то другая голова его свешивалась вниз и пыталась укунить бойцов.

Проворство, с которым столь нелепое существо передвигалось, удивило Сергея не меньше, чем само присутствие Змея Горыныча на крыше московского торгового центра. Что-то тут было не так, и он вроде бы знал, что именно, разгадка была совсем рядом, нужно только вспомнить, но ответ все время ускользал.

Когда дракон достал-таки до одного из броневиков своей лапицей, тот перевернулся и прокатился по стоявшим за ним бойцам.

Двое из них после падения так и остались лежать, раскинув руки, а один некоторое время катался по земле, но потом замер в позе эмбриона.

Командир что-то отчаянно кричал в рацию, держа ее перед своим лицом. Жестикуюлируя свободной рукой, он вел оживленные переговоры. Видимо, они увенчались успехом, так как он жестами дал бойцам приказ отойти назад. Они быстро перегруппировались и ушли за периметр паркинга, заняв новую позицию под прикрытием отъезжающих «Тигров». Все замерли, командир, прекратив переговоры, стоял и крутил головой по сторонам. Он что-то высматривал в небе, снова приложив ладонь козырьком ко лбу.

Сергей навел телескоп на Змея и, передернувшись от испуга, отшатнулся от окуляра – он заглянул прямо в огромный желтый глаз одной из голов зверя: радужка глаза была словно живой, состоящей из текучего огня, подобно Солнцу, а зрачок – как наполненная яркими искорками черная бездна.

Змей с протяжным утробным гулом выдохнул пар из всех своих ноздрей, устроив дымовую завесу. Затем он свесил свою среднюю голову вниз, покрутил ею, высматривая бойцов, что спрятались за машинами, и, глубоко вздохнув, словно зевая, широко открыв рот, обдал струей огня весь паркинг. Как будто огнеметом прошел, аккуратно, от края и до края, сопровождая этот процесс истошным визгом, от которого завибрировали стекла. Когда клубы огня рассеялись, оказалось, что серьезных повреждений он не нанес: загорелись стоявшие рядом с «Афимоллом» машины да пара бойцов, хлопая себя по плечам руками, потушили загоревшиеся доспехи.

Вдруг Сергей услышал шум вертолета. Сперва он подумал, что это снова пожарные прилетели набрать воды и повернулся на звук, но когда через несколько секунд вертолет пролетел прямо напротив его окна, Сергей снова чуть не упал, увидев К-52 во всей красе. Отражаясь в соседних небоскребах, сделав круг над торговым центром, «Аллигатор» развернулся над Москва-рекой для захода на позицию и по широкой дуге пошел на торговый центр. За секунду до того, как он нанес удар, Сергей понял, что сейчас произойдет. Втянув в себя воздух, он собрался было закричать, и в этот момент вертолет выпустил несколько ракет по крыше «Афимолла».

Толстые стекла смягчили звуки взрывов, по дому прошла волна дрожи, покачнувшая небоскреб. Но он выстоял. На нижних этажах соседних домов вылетели стекла. В небо поднялся огромный огненный шар, в который объединились взрывы ракет, выпущенных вертолетом. В центре этого шара продолжал бесноваться дракон. Мало того, он выпускал поочередно из каждой пасти струи огня, целя то в улетающий вертолет, то в оставленные бойцами броневики. Вертолет не остался в долгу и дал по зверю в ответ несколько длинных очередей из автоматической пушки на носу. Каждое попадание оставляло после себя на крыше сквозную дыру с рваными краями, сквозь них можно было увидеть горящие магазины внутри «Афимолла».

Два «Тигра» перевернуло взрывом ракет, и они лежали горящими колесами вверх, рядом, пытаясь сбить с себя пламя, катались по земле солдаты. Явно издеваясь над нападавшими, Змей присел на задницу, сложил свои когтистые передние лапы на груди, скрестив «пальцы», и, наклонив все три головы, с прищуром наблюдал за солдатами, которые отгаскивали раненных от перевернутых броневиков. В этот момент крыша торгового центра треснула, и дракон спиной назад, взмахнув хвостом и сверкнув огромными пятками, упал внутрь торгового центра, подняв клубы дыма и пыли.

«Да что же это такое?! – подумал Сергей – и тут его осенило, он стукнул себя рукой по лбу. – Опять, черт, опять все то же самое! Ну надо же!» – он потер пальцами виски и потряс головой.

Сергей забрался в кресло рядом с окном, закрыл глаза, положил руки на колени и медленно вдохнул полной грудью, потом так же медленно выдохнул, задержался на несколько секунд на выдохе, пока не ощутил сильную нехватку воздуха, и снова вдохнул. Повторив упражнение несколько раз, он сосредоточился на проходящем через ноздри воздухе, как учил Карпатов, и ощутил внутренний толчок. Медленно выдохнув, Сергей открыл глаза и встал. Вернувшись к окну, он посмотрел вниз.

Торговый центр горел, сквозь дыры в его фасаде и крыше вырывались дым и языки огня, из разрушенного входа выбегали люди, несколько человек в горячей одежде лежали на парковке без движения. Стеклопанельная крыша в центре «Афимолла» была полностью разрушена, и сквозь зияющую на ее месте дыру были видны мечущиеся в панике люди и разрушенные конструкции здания. Несколько человек пытались выбраться из разбитого лифта. Он висел на тросе, выпав из разрушенной взрывом стеклянной шахты. А дракона внутри не было, он исчез так же, как появился, и не только он: исчезли произведенные им разрушения, раскиданные машины оказались на своих местах, остались только нанесенные выстрелами военных повреждения фасада и двое бойцов, по которым прокатился броневик, хотя он сам, как оказалось, никуда не укатился, а стоял себе на всех четырех колесах.

Сергей огляделся по сторонам: соседние дома остались без стекол в окнах нижних этажей, сквозь выбитые взрывами окна в «Городе Столиц» вырывались языки огня.

«Черт! Интересно, а что с моим домом, тоже горим?» – встревожился он и, прижавшись щекой к стеклу, попытался рассмотреть – не видно ли огня на нижних этажах его дома. Потом вспомнил о пожарной сигнализации и успокоился. Она молчала, значит, беспокоиться пока не о чем. Сергей перевел взгляд на парковку торгового центра.

Бойцы спецназа, опустив оружие, растерянно смотрели на происходящее, некоторые побежали на парковку, чтобы помочь раненым гражданским, двое пытались привести в чувство солдат, «раздавленных» броневиком. Вертолет сделал еще один круг между небоскребами, закручивая спиралями клубы дыма, затем резко набрал высоту и улетел в сторону центра города.

«Господи, неужели это никогда не закончится?! – подумал Сергей, снова усевшись в кресло. – Что же мы наделали? А ведь Карпатов считает, что шанс исправить все-таки есть. Хочется верить, что он прав», – Сергей полил на руку водой из стоявшего на столике рядом с креслом графина и протер лицо, тяжело вздохнул и, обреченно откинувшись на спинку, закрыл глаза.

«А ведь как хорошо все начиналось!»

Сергей

Сергей – еще довольно молодой, слегка за сорок, айтишник. Высокий, подтянутый, волосы всегда аккуратно уложены в замысловатую прическу, в темно-русой бороде – красивая легкая седина, пронизательный взгляд карих глаз из-под модных очков. В целом, красавец – по мнению женской части коллективов, где ему приходилось работать. Предмет вожделиний, но, к великому сожалению этих самых вожделеющих, – убежденный холостяк. Он довольно давно привык жить один, родители умерли много лет назад, и Сергей в этой жизни мог рассчитывать только на себя. Приводить в свою жизнь кого-то еще он категорически не хотел, хотя иногда и экспериментировал с длительными отношениями.

Пройдя путь от разработчика до архитектора сложнейших систем искусственного интеллекта, в настоящий момент он являл собой яркий пример успешного высокотехнологичного топ-менеджера. Последние пять лет Сергей бодро шел вперед и вверх, переходя из компании в компанию, из проекта в проект. На его счету было несколько достаточно громких в масштабе страны проектов, в том числе и участие в разработке голосового помощника для популярного поискового сервиса. Нейронные сети стремительно переходили в разряд доступных простому народу привычных технологий, и подобные услуги были востребованы. Действительно, сейчас сложно найти обывателя, который бы не баловался с тем же ChatGPT, заставляя несчастный ИИ рисовать картинки по запросу или писать тексты дипломных работ.

Как они с коллегами часто шутили за пивом – скоро любая кофеварка из среднего ценового сегмента без проблем пройдет тест Тьюринга, а наиболее популярным бытовым прибором в России будет небольшой самоходный говорящий холодильник для алкоголя, с которым можно будет и выпить, и поговорить за жизнь.

Развивая эту идею, на один из ИТ-конкурсов по социальным инициативам они в шутку представили проект андроида «Собутыльник». Специально обученная нейронка отлично материлась, могла обсудить последние новости, рассказать анекдот и очень душевно поговорить на множество злободневных тем.

Фишкой проекта была именно его «народность». Для формирования словаря, особенностей произношения и динамики речи использовались записи разговоров представителей маргинальной интеллигенции различных регионов России. На самом деле, задача по разработке именно собутыльника, а не очередного голосового помощника, оказалась куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Все эти правильно говорящие тети и дяди типа Алисы – задача, поначалу бывшая сложной и интересной, но давно ставшая привычной и скучной. А создать собутыльника, который чутко чувствует направление мысли собеседника, имитирует нарастающую алкогольную интоксикацию, способен на эмоции, в особенности эмпатию, и правильное употребление мата – такая задача оказалась очень непростой. Но парни с ней справились «на все сто»! Им самим «Собутыльник» доставлял массу удовольствия и позитивных эмоций, став постоянным участником офисных посиделок.

Нейронка «Собутыльника» обучалась, в том числе, и на различных пабликах о жизни звезд и популярных ток-шоу, так что могла рассказать самые горячие сплетни из мира селебрити, блеснуть знанием модного жаргона и актуальных трендов. Имитируя женскую особь, «Собутыльник» отлично использовал эти знания и опыт. В мужском модуле такие диалоги отдавали некоторой голубизной и вызвали когнитивный диссонанс, но при этом запросто могли довести до колик от смеха.

Внешне андроид напоминал скорее Мойдодыра из старого советского мультфильма, чем человека, но говорил действительно феерично, причем в обеих своих версиях: мужской и женской. Обе суперски имитировали пропитой голос и усредненный говор представителей российской дворовой элиты.

«Собутыльник» мог отлично распознавать русскую речь персонажей, находящихся в любой степени алкогольной интоксикации и деградации личности, что подтверждалось снятыми на видео лабораторными экспериментами, точнее, самыми настоящими алко тест-драйвами, которые демонстрировались на стенде их проекта. Венцом данного творения, или, как говорил Сергей, «вишенкой на торте» в проекте «Собутыльник» был модуль, способный распознавать речь совершенно законченных алкашей. Сложнейшая задача, зачастую непосильная для обычного человека, была ими блестяще и с некой долей юмора решена.

Мысль долго и сильно пьющего человека похожа на полет испуганной летучей мыши в темном сортире, посреди которого блуждает остаток сознания. Оно судорожно машет фонариком, пытаясь поймать в луч света мечущуюся мысль. Если сознанию удастся поймать мышку в круг света, оно немедленно выдает слово, ну, или ту его часть, что успеет рассмотреть. Связать эти осколки, заполнить пробелы, выстроив в осмысленную речь – на уровне техники задача нетривиальная, требующая серьезных навыков в разработке алгоритмов предиктивного анализа. Люди, регулярно злоупотребляющие алкоголем, теряя речевые навыки, видимо, развивают в себе способности по невербальной передаче информации, а возможно – даже и ясновидения, так как понимают друг друга именно что с двух слов. Как правило, первого и последнего в предложении, так как на остальные у них не хватает сил, и они заменяются междометиями, матом и кривлянием.

И команде «Собутыльника» удалось обучить машину восстанавливать утерянные за ненадобностью слова.

На груди у «андроида» находился экран, на котором бегущей строкой выводились титры «перевода».

На выставке партнером «Собутыльника» был редкий экспонат – яркий представитель питерской алкашни и звезда фокус-группы «Собутыльника» Яшка-Перец. Парень беспробудно бухал все три дня выставки, найдя в «Собутыльнике» уважительного и понимающего собеседника, а в посетителях – благодарных зрителей и поклонников таланта.

На стенде была оборудована некая условная коммунальная кухня, и в этом интерьере парочка производила неизгладимое впечатление. Яшка был одет, как положено: в некогда белую майку-алкоголичку, синие треники, растянутые на коленях, и тапочки на босу ногу. «Собутыльника» нарядили в безразмерную тельняшку и специально сшитый для него кепарь.

Спал Яшка-Перец здесь же, допиваясь к концу дня до чертей, соответственно, не мылся, и на третий день обстановка в павильоне стала настолько аутентичной, что Яшку попытались выдворить с выставки охранники. Отбили и отстояли всем коллективом при поддержке неравнодушных поклонников Яшкиного таланта из числа посетителей выставки.

К их павильону на выставке стояла очередь. Яшка довольно быстро смекнул, за что тут наливают, и рассказывал за своим ломанном языке похабные анекдоты публике, скармливая их частями «Собутыльнику», который выдавал на экране перевод для зевак. Видя, как появляется на экране текст перевода его безумной речи, Яшка довольно скалился своим почти беззубым ртом, тыкая в экран пальцем. Верхом совершенства проекта считался, скажем так, симметричный ответ «Собутыльника», на таком же ломанном языке, но, очевидно, значимый для Яшки и вызывающий у того эмоциональный отклик. Этот момент всегда срывал аплодисменты. Куда там Алисе и Сири!

Проект «Собутыльник» был очень высоко оценен коллегами по цеху, но совершенно не понят чиновниками, что организовали конкурс. «Собутыльника» даже пытались смешать с грязью в СМИ, и в их компанию пришло ядовитое письмо, с множеством отсылок к национальной культуре и различным духовным скрепам. Особенно порадовал всех в офисе пассаж об оскорбительном, как считали авторы письма, представлении изобретателей «Собутыльника» о целевой аудитории технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Но кому было до этого дело? Письмо поместили в рамку и повесили среди сертификатов и дипломов компании на почетное место. Статья о «Собутыльнике» висела в топе Хабра целый месяц. Они стали героями! А мемчики с Яшкой и «Собутыльником» моментально разошлись по Рунету. Парней узнавали в любой, даже далекой от ИТ, тусовке, угощали, задавали вопросы, приглашали на различные мероприятия. А модуль предиктивного речевого анализа ушел за очень хорошие деньги в несколько проектов, где нашел себе применение. Особенно значимым был проект по голосовому управлению строительной техникой, задача совершенно непосильная для других решений на рынке, вот здесь «Собутыльник» смог раскрыться во всей своей красе.

Но на этом карьерный рост Сергея и закончился. Он застрял в последней конторе, дорабатывая и допиливая прошлые наработки под новых заказчиков, по сути, гоня по кругу одно и то же до тошноты.

Вот тут Сергей и получил предложение, от которого впоследствии не смог отказаться. Пришло оно, как ни странно, не из ИТ-компании, а из рекламного агентства. Получив письмо с приглашением на собеседование, Сергей некоторое время недоуменно рассматривал красивый конверт. Получить «мыло» от HR с оффером или приглашением на собеседование – это было нормально. Но бумажное письмо с курьером... экзотично. Еще его удивил логотип на их конверте – рекламное агентство «Хрустальный мозг» – там и вправду был мозг, испещренный сетями, трехмерный, очень стильно прорисованный.

Сергей тут же полез в Гугл – проверить потенциального работодателя, но сайт агентства вызвал больше вопросов, чем предоставил информации. Он так и не понял, зачем им может понадобиться специалист его уровня и профиля. Единственным, что как-то намекало на его род деятельности, в списке услуг агентства «Хрустальный мозг» был загадочный нейромаркетинг. Как Сергей понял из пояснений, что дала Вики, – так называли комплекс достижений современной нейрофизиологии, поставленный на службу золотому тельцу.

«Удивительно устроен мир, – подумал Сергей, – бьются люди, проводят многолетние исследования, получают нобелевки – и все для того, чтобы нам, несчастным, крышу поправить. И тут ушлые дядьки, а может, и тетки, будем политкорректны, берут и используют все это доброе и светлое именно для того, чтобы закачать нам поглубже в мозг некий зловонный контент, жажду потреблять, быть в моменте, ресурсе, умение быть и торговать собой. Тьфу», – он мысленно сплюнул, потом вспомнил свой собственный «Вконтакте» – и сплюнул еще раз, уже по-настоящему.

В письме некая Екатерина Гейн растекалась в комплиментах его заслугам и достоинствам, прозрачно намекая на знакомство и, как ни странно, понимание технической стороны и сути проекта «Собутыльник», равно как и других проектов Сергея. «Собутыльника» она даже называла знаковым достижением в области машинного обучения, причем не только в масштабе России, но и всего мира. Подпись под напечатанным текстом была настоящей, изысканной, со множеством завитушек. Екатерина серьезно заморочилась. В мире, где все меньше людей в состоянии пользоваться рукописным вводом информации, такая витиеватая подпись вызывала уважение.

«А что? – подумал Сергей. – «Собутыльник» – это для наших широт, может быть, образец лучшего применения искусственному интеллекту. Не роботов же делать человекоподобных, рубежи Родины охранять, в самом-то деле. Эх, не поняли нас чиновники, не посмотрели вглубь. Ну да ладно, на этом хайпе, оказывается, еще можно поездить».

Из всего изложенного в письме от агентства делался краткий вывод – Сергей им жизненно необходим для технического руководства новым проектом, революционным направлением, достойным его гения. И, как говорится, «оплату гарантируем». Засим приглашаем обсудить детали к нам в офис.

«Как-то уже перебор. Приятно, конечно, но больно много патоки, как бы не влипнуть. Хотя ведь сам уже мучаюсь второй месяц. Тут мне больше ловить нечего и расти некуда. Ходят слухи, что наш проект и всю его команду хочет перекупить трехбуквенный банк. А у них с ИТ все насколько строго, что какой проект не возьмут, все в говно превращают», – пачкаться не хотелось. Поэтому Сергей уже давно аккуратно разместил резюме на Head Hunter, но под другой фамилией и с анонимными местами работы, чтобы не спалили их вездесущие HR, неусыпным оком следящие за утечкой ресурсов. Ловись, как говорится, рыбка, большая и маленькая. Но до сего момента ничего путного не ловилось. А тут вдруг прямо письмо, бумажное, курьером и лично в руки! Учитывая, что резюме у него было на другое имя, вряд ли вышли по нему, скорее всего, отработали профессиональные хантеры.

«Ну что же, Екатерина Гейн, встретимся, посмотрим, что вы там за революцию начинаете. Может быть, и у меня начнется новая жизнь. В конце концов – по rain, по gain, пора бы уже начать что-то менять», – Сергей улыбнулся, отправил с личной почты подтверждение встречи на указанный в письме адрес и, аккуратно сложив письмо, убрал его обратно в конверт, на котором были напечатаны только его имя и логотип «Хрустального мозга».

Хрустальный мозг

На следующий день, за полчаса до назначенного времени, Сергей въехал на парковку перед бизнес-центром, где находилось рекламное агентство. Ему было заказано место, и автоматика на въезде услужливо открыла шлагбаум.

Денег рекламщики не жалели: современный небоскреб в центре Москвы, где их логотип красовался на стене у входа среди названий крупнейших российских компаний, вызывал уважение к бюджету организации.

Получив на рецепции внизу карточку-пропуск, Сергей вошел в лифтовой холл и огляделся: кнопок вызова лифта не было, только одинокая стойка-сканер. Он догадался приложить к ней карту, и на табло загорелся номер лифта, который тут же открыл свои двери.

Войдя в лифт, Сергей поискал панель управления, но таковой там тоже не оказалось. Лифт закрыл двери и самостоятельно его куда-то повез, так мягко, что и определить, куда именно, вверх или вниз, было невозможно. В лифте не было даже счетчика этажей. Просто зеркальная коробка.

«Некоторым гражданам может стать очень неуютно при такой перевозке, и это мягко говоря. Стальной ящик с зеркалами, без единой кнопки и понимания, куда ты вообще перемещаешься. Жуткая штука», – Сергей вздохнул и от безысходности устался в пол.

Лифт вдруг остановился, проиграв приятную мелодию, и двери открылись. На выходе его уже ждала стройная брюнетка в черном деловом костюме. Волосы ниже плеч распущены, большие зеленые глаза – взгляд приветливый, но одновременно внимательный, минимум косметики и украшений.

Она приветливо улыбнулась вышедшему из лифта Сергею

– Екатерина, это я написала вам приглашение, – сделав шаг вперед, она представилась и протянула руку.

– Сергей, очень приятно, – он пожал ее руку, отметив про себя, как медленно и нежно она выскользнула из его ладони, задержавшись чуть дольше, чем необходимо для формального рукопожатия. Екатерина смотрела Сергею в глаза, и от ее взгляда у него потеплело внутри. Ему показалось, что она смотрит на него с некоторой ноткой восхищения, а искорки в зеленых глазах заставили Сергея улыбнуться в ответ.

– Прошу вас, – Екатерина сделала приглашающий жест и пошла вперед. Сергей с удовольствием шел позади, невольно залюбовавшись движением бедер Екатерины. Обтягивающая юбка средней длины, стройные ноги, туфли на довольно высоком каблуке и завораживающая походка. Мысли выскользнули из рабочего русла. Сергей встряхнул головой и осмотрелся по сторонам.

Пространство, занимаемое агентством, впечатляло. Целый этаж с оригинальным ремонтом, в интерьерах которого было много стекла, проекций человеческого мозга и условных нейронных сетей.

Множество людей, очевидно, увлеченных работой, сидели за рабочими столами в комнатах с прозрачными стенами, что-то обсуждали в переговорных, рисуя сложные схемы на досках, бегали с бумагами в руках по проходам, а некоторые оккупировали звукоизолированные будки, стоявшие посреди офиса, и что-то обсуждали там по мобильным телефонам.

«Хорошо мотивированный и увлеченный работой коллектив, – подумал Сергей, – это плюс, большой плюс. Выглядит так, будто все они знают, зачем сегодня здесь собрались, в отличие от множества других офисов, в которых случалось поработать».

– Вот мы и пришли, – Екатерина остановилась и показала рукой на вход в отделенную непрозрачной перегородкой часть офиса. Помещение находилось на финальной стадии

ремонта, над дверью виднелась надпись, выложенная буквами из полированного металла с мягкой голубой подсветкой, – «NeuroCube».

У входной двери был установлен ридер для карт, сканер отпечатка пальца и, судя по торчащим на уровне лица проводам, будет еще и сканер сетчатки. Сергей удивленно посмотрел на Екатерину.

– Проект очень инновационный, серьезный и дорогостоящий. Поэтому меры безопасности соответствующие, – ответила на его немой вопрос Екатерина

– «NeuroCube»?

– Не обращайтесь внимания. Название ничего не значит, просто придумали интересную вывеску, не более. Официально здесь российское подразделение по разработке решений по нейромаркетингу. Основное у нас находится в США, в головном офисе компании. Название вполне подходящее, вопросов у сотрудников не вызовет, а так как все разработки в этой области сейчас достаточно дорогостоящие, и каждая компания свято охраняет свои секреты, меры безопасности не вызывают вопросов.

– Понятно, интригует.

– Я рада, – Екатерина улыбнулась и, открыв дверь, жестом пригласила Сергея войти.

Они прошли в пахнущее свежим ремонтом помещение. Стены здесь были глухие, непрозрачные, освещение приглушенное, в дизайне преобладали темные, мягкие и такие уютные цвета и текстуры, что сразу захотелось присесть и провести время в неспешной беседе за чашечкой кофе. Екатерина, видимо, заметила реакцию Сергея.

– Вот примерно этим мы и будем заниматься, – сказала она.

– Чем? – удивился Сергей.

– Вам сейчас захотелось расслабиться, присесть в уютное кресло, типа вон того, – она показала на кресло, стоящее в зоне отдыха впереди по коридору, действительно очень уютное и даже с пледом, лежащим на подлокотнике, – выпить кофе и неспешно поговорить. Правда?

– Да, правда. Но как вы узнали?

– Вопрос неправильный. Как мы это сделали – вот правильный вопрос.

– Сделали? – Сергей недоумевал.

– Да, ваше желание и само состояние создано искусственно.

– Какое-то внушение? Откуда? – Сергей оглянулся по сторонам.

– Нет, конечно – Екатерина улыбнулась и отрицательно покачала головой. – Просто часть технологии. И она работает, как вы можете убедиться, – она обвела пространство руками.

– И? – Сергей остановился и посмотрел Екатерине в глаза. – Это и есть ваш проект?

– Нет, что вы. Это просто применение разработанной нами технологии для создания правильного настроения. При входе – вот такая программа, в каждом кабинете и переговорной она своя.

– И в какую переговорную мы пойдем сейчас? – спросил Сергей.

– «Креатив» – вот что нам с вами сейчас необходимо, – ответила Екатерина, кивнув головой, и бодро пошла вперед – к ярко-желтой двери, до боли в глазах выделяющейся на общем темном фоне офиса. Сергей невольно сощурился, как будто от яркого солнечного света. Екатерина открыла дверь, и они вошли в переговорную. Войдя, Сергей остановился в недоумении. В дизайне переговорной он ожидал увидеть продолжение кислотной тематики с цветами типа «вырви глаз». Такое сейчас часто встречается в модных офисах, раскрашенных психованными и невероятно дорогими дизайнерами. Прикольно смотрится на трехмерных визуализациях, но вызывает стойкую головную боль при продолжительном нахождении в подобных помещениях, становясь еще одной причиной популярности удаленки.

Здесь же Сергей первую секунду пребывал в ступоре: дверь настроила его на одно, внутри оказалось совершенно другое. Нечто среднее, не так мягко и уютно, как снаружи, но свежо,

бодро и по-деловому. Сергей невольно сделал вдох полной грудью, расправил плечи, слегка потянулся и прошелся пружинящей походкой вокруг стола, оглядывая помещение.

– Бодрит, да? – спросила Екатерина, с улыбкой наблюдая за Сергеем.

– Да, на удивление, – он кивнул, – та же магия? Или кокаин в вентиляции?

– Нет, мы предпочитаем обходиться внутренней химией тела через внешнюю стимуляцию. Плюс чуть выше кислород и немного других, скажем так, «приправ», – она сделала пальцами знак кавычек, – но в целом – да, та же магия, что и снаружи.

– Присаживайтесь, пожалуйста, где будет удобно, – Екатерина указала на стулья. – Чай, кофе?

– Знаете, к повышенному кислороду я, пожалуй, предпочту черный кофе и немного холодного молока, пожалуйста, – ответил Сергей, усаживаясь в удобное кресло.

– Как пожелаете, – Екатерина присела за стол напротив Сергея и нажала панель на столе, открыв дисплей, на котором быстро выбрала нужные опции, после чего закрыла его.

– Пока мы ждем, позвольте представиться, так сказать, по форме. Мое имя Екатерина Гейн, и я – руководитель нового направления, именно направления, а не просто нового проекта, в нашей компании. В рамках направления будет разработано множество смежных проектов, один из которых мы и планируем поручить вам.

– Интересно, – Сергей качнул головой.

– То, что мы собираемся разработать, откроет совершенно новые горизонты в разработке коммуникационных материалов – не только в маркетинге, но и в политике, работе с персоналом, и в целом изменит коммуникацию, как инструмент. Под коммуникацией я подразумеваю передачу информации с целью получения определенного результата, точнее, реакции реципиента. Это может быть продвижение продукта, мотивация сотрудников, победа на выборах, стимулирование патриотизма или лояльности – все, что угодно.

– Разработка национальной идеи? – усмехнулся Сергей.

– Нет. Задачей нового направления является разработка действующих моделей и инструментов, которые можно применять, а не освоение государственного бюджета. У нас нет внешнего заказчика. Я придумала концепт, мы провели ряд экспериментов, создали технологии-прототипы, воплощающие некоторые элементы концепции, вот дизайн, например, – Екатерина показала рукой на стены помещения, – и в результате получили добро на развитие нового направления от акционеров. Когда замысел будет реализован, мы будем продавать услуги по разработке различных материалов под задачи заказчиков, также представим на очень узкий рынок специализированное ПО, которое позволит его обладателю самостоятельно разрабатывать коммуникационные продукты под собственные задачи.

– Звучит все это очень абстрактно, но увлекательно, – прокомментировал Сергей.

– Мы сейчас поговорим более конкретно. Но сначала я бы хотела задать вам вопрос. Готовы ли вы сменить сферу вашей деятельности, уйти из ИТ в чистом, так сказать, виде и включиться в проект, где ваши опыт и навыки, несомненно, пригодятся, но это будет очень специфическое применение?

– Ну, это все еще очень абстрактный вопрос. Но я постараюсь ответить максимально конкретно. От ИТ в чистом, так сказать, виде я уже порядком устал. Я много лет делаю, по сути, одно и то же, но в разных масштабах. Расти дальше в этой области в доступном мне масштабе попросту некуда.

– В доступном вам масштабе? – уточнила Екатерина.

– Да, именно так. Из каждой точки пространства-времени для конкретного индивида всегда есть определенный набор векторов движения, которые он видит и понимает. Конечно, всегда необходимо оставлять шанс на чудо, ведь волшебников в голубых вертолетах никто не отменял, особенно в наших широтах, – Сергей грустно улыбнулся.

– Но, находясь здесь и сейчас, я понимаю, что подрасти могу, только уйдя в Google или, там, к Илону Маску, и получив доступ к проектам большего масштаба. А для меня сегодняшнего такой поворот событий сродни прилету волшебника на упомянутом вертолете. Вероятность, в принципе, равна нулю.

– И почему же?

– Раз до сих пор не пригласили, значит, уже и не пригласят. Они буквально пылесосят рынок и любой мало-мальски заметный специалист, если он им интересен, получает приглашение. Я без ложной скромности могу сказать, что достаточно заметен в своем виде деятельности, и предложения работы получаю регулярно. Но не от Google, ну, и не от Маска, понятно. А остальное мне не интересно, так как все это – старые песни о главном, там я могу расти только в деньгах, словно актер, застрявший в своем амплуа, или как лошадка в ярмарочной карусели. Меняются только жопы, что на тебя усаживаются, а маршрут все тот же, – Сергей пожал плечами и вздохнул.

– Поняла вас, именно так и написал Карпатов в вашем профайле – и даже нечто, образно похожее на вашу грустную картинку с лошадкой.

– Карпатов? Это тот парень из YouTube с каналом о мозге? – Сергей улыбнулся.

– И да, и нет, – ответила Екатерина.

– Поясните.

– Да, он, как вы выразились, «тот парень из интернета», он действительно ведет серьезную деятельность по популяризации определенных знаний о работе мозга и пишет книги, которые призваны помочь – и помогают! – многим людям улучшить свою жизнь. Но он еще и выдающийся ученый, с которым мы сотрудничаем в нашем новом направлении. И именно его группа, помимо всего прочего, отвечает за профилирование наших ведущих сотрудников.

– И что же там в моем профиле?

– Вот все то, что вы сказали. Чтобы не быть голословной, я вам покажу, – Екатерина встала и, подойдя к стеллажу с документами в углу переговорной, достала оттуда папку. Вернувшись к столу, она протянула ее Сергею.

– Вот, почитайте пока. Нам как раз принесли кофе, – Екатерина снова открыла дисплей, прикоснулась к нему пальцем. Щелкнул замок в двери, она открылась. В переговорную зашла девушка с подносом, поставила его на стол и ушла.

– У нас тут клуб любителей кофе, поэтому очень большой выбор сортов. Я позволила себе заказать Лювак. Надеюсь, вы не против?

– Лювак? – Сергей оторвался от чтения документов из папки. – Это тот, которым мышки какают?

– Примерно так, да, – Екатерина улыбнулась.

– Да вроде нет, пахнет волшебным, – Сергей втянул носом воздух и потянулся к подносу.

– Не отвлекайтесь, пожалуйста, я вам налью, – жестом остановила его Екатерина. Она налила в чашку кофе из блестящего кофейника, добавила немного молока и передала Сергею. Он принял чашку, поднес к лицу и вдохнул аромат, затем осторожно попробовал. Закрыв глаза, посмаковав напиток, поставил чашку на стол и вернулся к документам. Через некоторое время он положил папку на стол, закончив чтение.

– Спасибо! Очень интересный материал, – Сергей кивнул на папку и сделал небольшой глоток кофе, – чувствую себя этакой лягушкой со вспоротым брюшком на столе под микроскопом.

– Возражений по написанному нет?

– Нет, все точно. Совершенно верная оценка. Очень удобно, кстати. И не надо проходить собеседование. Все за тебя уже сделано, и плюсы, и минусы взвешены на весах беспристрастной аналитики. Так что эту часть собеседования мы можем пропустить? Я имею в виду, все эти «кем вы себя видите через сто лет в нашей компании?» и далее в том же духе.

– Думаю, можем. Там, в папке, лежит NDA, если вы готовы пойти дальше, подпишите два экземпляра, пожалуйста, и перейдем к конкретике.

Сергей полистал бумаги из папки, нашел искомые и, взяв ручку из стакана на столе, подписал два экземпляра. Один передал Екатерине через стол, второй сложил и убрал в карман.

– Спасибо! Тогда я позову Карпатова, и мы продолжим, тут нужна будет теория, и лучше него ее никто не расскажет, – Екатерина снова открыла дисплей, прикоснулась к нему несколько раз.

– Да! – раздался мужской голос из динамиков.

– Антон Владимирович, мы вас ждем в «Креативе», – сказала Екатерина и закрыла дисплей.

Особенности восприятия

Ожидая прихода Антона Владимировича, Сергей еще раз перечитал рассказ о себе, составленный группой Карпатова.

«А ведь действительно, крайне удобно, – подумал он. – Дана объективная оценка личности кандидата. На основе публичных данных, никакого вмешательства в личную жизнь или данных из закрытых баз. Сноуден давно всем все пояснил про метадату, а вот и применение для той информации, которую мы сами о себе старательно постим и оставляем в сети в виде цифрового следа. Конечно, есть вопросы к методике сбора данных, тут явно не ручками собирали, а где-то оптом закупили. Интересно, а где он, этот волшебный магазин, в котором по имени и фамилии тебе отвалит на вес данные на любого гражданина любой страны?»

А тут еще и лайки в соцсетях учтены, избранное, расшаренная история покупок и история поиска на ряде сайтов (а вот это явно «на грани добра и зла»). Неплохо, кстати, прошлись и по друзьям с подругами, зарегистрированными в различных соцсетях. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Воистину! М-да, и вот он я – как ранее упомянутый лягушонок со вспоротым брюшком под микроскопом. Со всеми своими амбициями, возможностями, невротами и «уникальным внутренним миром». Особенно понравился пассаж: «С ориентацией на будущее, неадекватным ситуацией поведением, плохо приспособлен к иерархической структуре», из чего делался вывод о способности генерировать идеи, создавать сложные модели, концепции и формировать видения. Ну, да, это про меня, могу. Но почему вдруг «плохо приспособлен к иерархической структуре»? Я что, не могу в коллективе работать? Но, вроде, до сего момента получалось – проекты до конца доводил, команду по пути не терял. Надо будет спросить, что тут имеется в виду. Интересно, а возможно автоматизировать этот анализ? Ведь это ж какие деньги можно зарабатывать, если процесс поставить на поток? Хотя, может, они уже?» – Сергей вздохнул и поднял взгляд на стену напротив, продолжая размышлять о перспективах автоматизации процесса проработки психологических портретов. Мысль пошла дальше, к возможности разработки цифровых двойников и моделированию поведения конкретного человека и целых коллективов. Вот тут перспективы открывались действительно интересные. Вдруг его внимание привлекло движение на периферии. Он резко повернул голову, неожиданно обнаружил стоящего рядом с ним молодого человека и вздрогнул.

Брюнет с аккуратной бородкой смотрел на него сверху вниз сквозь стекла очков, взгляд его карих глаз был немного насмешливым. В уголках тонких губ пряталась легкая улыбка. Он был одет в идеально отглаженный белый халат, руки – в карманах брюк, под халатом Сергей с удивлением увидел костюм-тройку. Он уже давно не видел, чтобы кто-то так аккуратно и стильно одевался. Сам Сергей одевался дорого, но достаточно просто, как и большинство его коллег. А Антон Владимирович явно не жалел времени и средств на свой гардероб, точнее сказать – образ.

– Увлёклись? – спросил Антон Владимирович, показав глазами на бумаги, которые Сергей все еще держал в руках

– Да, должен признаться, очень интересно. И я вот думал, насколько это практично. Обычно на собеседовании достают довольно странными вопросами. Знаете же эти коронные номера типа: «Как вы опишете себя в трех словах?», «Если бы вы могли изобрести идеальную для вас работу, какой бы она была?» А мой фаворит: «Вы оказались в безвыходном положении на необитаемом острове и можете взять с собой только три вещи, что это будут за вещи?» Больше напоминает тесты у психиатра, чем интервью, – Сергей усмехнулся.

– Приходилось бывать у психиатра? – всем своим видом показывая крайнюю заинтересованность, спросил Карпатов, слегка наклонив голову и внимательно глядя на Сергея.

– Был опыт, – уклончиво ответил Сергей и замолчал. Повисла неловкая пауза.

– Ну, хорошо, – Антон Владимирович улыбнулся и, поняв, что деталей не будет, продолжил:

– В целом вы, конечно, правы: подход практичный, но дорогостоящий, поэтому проводить такие исследования каждый раз не будешь, и не каждый может себе такое позволить, – Карпатов кивнул на папку. – Позволю себе предположить, что вы размышляли, как бы это автоматизировать и поставить, так сказать, на поток? – спросил он, усаживаясь на стул напротив Сергея.

– Откуда вы узнали? – удивился Сергей.

– А вот оттуда, – Карпатов снова кивнул на папку с бумагами, – за это мы вас и выбрали: сразу включились, выстроили в уме модель, а потом мысль пошла еще дальше, и вы нарисовали себе картину эдакой манипулятивной среды, где поведение каждого индивида сначала моделируется, а потом он загоняется в лабиринт готовых условий, чтобы, подобно роботу, выполнить заданную коварными творцами программу. Да? Я ведь прав? – Карпатов навис над столом, внимательно глядя на Сергея горящими глазами.

– Ну, как-то так, да, – Сергей утвердительно кивнул и, взяв со стола чашку с кофе, сделал глоток. Карпатов втянул носом воздух, приinhиваясь.

– Лювак? – спросил он, повернувшись к Екатерине.

– Да, – ответила та и улыбнулась.

– Не люблю я это крысиное говно. Как вы это пить можете?! Какой бы ни был вкус, происхождение напитка накладывает, так сказать, свой отпечаток. Вот вы как думаете, кем надо было быть, чтобы доставать из крысиного помета полупереваренные зерна кофе, жарить все это и продавать с диким пафосом, как невероятный деликатес? – спросил он, повернувшись к Сергею.

– Ну, там не крысы же, зверьки такие прикольные, – потерялся Сергей, – видел, когда был во Вьетнаме.

– Ага! Крыса – она крыса и есть. Ничего прикольного. Жрет себе кофе, гадит, а эти собирают, жарят и продают за дикие деньги. Вот же бизнес. Странно, что до у нас сих пор не переняли эту бизнес-модель. Я бы вот медведей кофеем кормил и потом то, что выйдет, жарил и продавал. Как национальный бренд. А еще можно давать медведю запивать кофе водкой, чтобы печенку потом на «фуа-гра а ля рус». И пусть хоть одна тварь покритикует. Мы им такой VLM устроим, навек запомнят! – Антон Владимирович хлопнул себя руками по коленям и рассмеялся, а Сергей слегка опешил от такого поворота на интервью.

– Молодой человек, расслабьтесь, пожалуйста, – отсмеявшись, обратился Карпатов к Сергею, увидев, что тот не знает, как реагировать на происходящее, – мы тут не о крысином говне собрались поговорить, м-да, и даже не о медвежьем, не переживайте, это так, прелюдия. – Антон Владимирович махнул рукой, как бы отменяя предположение о возможности серьезного разговора о говне, а потом, пересев на стул рядом с Екатериной, повернулся к Сергею.

– Что вы знаете о маркетинговых коммуникациях? – спросил он у Сергея.

– К сожалению, рекламу приходится смотреть, – ответил Сергей, – вот, собственно, все. Являюсь, так сказать, вынужденным потребителем.

– Стало быть, жертва информационного насилия? – поинтересовался Карпатов.

– Стало быть, так, – признал Сергей горькую правду.

– Вот эту проблему мы и хотим решить.

– Оградить меня от информационного насилия? – удивился Сергей. Он снова потерял нить разговора. Беседа начинала напоминать какой-то аттракцион, где за каждым поворотом ожидали сюрпризы.

– Нет, ну что вы! – Карпатов снова отмахнулся, отменяя выдвинутое Сергеем предположение. – Вы – большой мальчик, и сами себя сможете оградить, если оторветесь от информационного потребительства. Я про другое. Наша задача – изменить маркетинговые коммуникации

таким образом, чтобы их жертва, цель, представитель целевой группы, называйте, как хотите, был счастлив потреблять рекламный контент, а лучше всего – даже не осознавал сам факт такого потребления. Но! – Карпатов поднял палец вверх. – Посыл должен работать, потребление должно состояться – с радостью, блеском в глазах и ощущением всепоглощающего счастья.

– И такое что, возможно? – спросил Сергей, удивленно подняв брови.

– В теории – да. Пока в теории. Но мы стоим на пороге воплощения теории в практику, – ответил Карпатов.

– И именно для превращения теории в практику мы и начали новый проект, – подключилась к разговору Екатерина. Она подошла к подносу с кофейником и, с улыбкой глядя на Карпатова, подлила себе в чашку кофе. Антон Владимирович хмыкнул и покачал головой.

– Все страньше и страньше, если честно, – прокомментировал Сергей.

– О! А нора-то глубока, молодой человек, – сказал Карпатов, покачав головой, – ой, как глубока. Там копать и копать. Но давайте все же к делу. Некую часть теории, чтобы все стало понятно, я вам изложу. NDA вы подписали, так что, если примете решение отказаться от участия в проекте, даже эту часть обсуждать с кем-либо настоятельно не советую. Не потому, что я сообщу вам сакральные тайны, а просто потому, что конкуренты могут понять направление нашей работы и усилить шпионаж. А этого нам совершенно не хочется, да и вам еще жить да жить.

– Прямо-таки шпионаж? – с долей иронии в голосе поинтересовался Сергей. Его начала подбешивать манера разговора Антона Владимировича и этот «молодой человек». На вид они были почти ровесниками.

«Нашел себе мальчика!» – злобно подумал он.

– Именно! Реклама, как вы изволили заметить, сейчас в полном упадке, ее считают вынужденным злом, перематывают, выключают звук, перелистывают, режут фильтрами. Рынок уже не знает, как извернуться. Создаются целые субкультуры с этими инфлуенсерами, влиять на чужие мозги пытаются из каждого, извините, утюга, рекламу вставляют в тексты популярных книг и фильмы. Проплачена вся информация, что нас окружает. Но работает это все слабее и слабее. Перегрузка информацией приводит к ее вытеснению, сейчас за каждый нейрон в мозгу потребителя идет нешуточная война. А ему и так, бедному, уже тошно, ведь средний потребитель торчит в онлайн по четыре-пять часов в день. Удивительно, когда работать и спать-то успевают!

– И вот поэтому поиском новых технологий сейчас занимаются все ведущие рекламные агентства. Вы же представляете себе рекламные бюджеты? – спросила Екатерина.

– Более-менее, – ответил Сергей, сделав неопределенный жест рукой.

– Ну, тут, скорее, более, – она улыбнулась, – порядка триллиона долларов в год. И тот, кто предложит этому рынку эффективную технологию, получит очень большой кусок от этого пирога. Понимаете, за что мы бьемся?

– В части денег начал понимать.

– Не думаю, что до конца. Чтобы прояснить, добавлю. Мы создаем проект, у него, как водится, есть топ-менеджмент, в состав которого по технической части мы и предлагаем вам войти. Проект рассматривается, как стартап, со всеми вытекающими, то есть с долевым участием основателей. Таких проектов у вас еще не было. Речь идет не о бонусах или квартальных премиях, речь идет о части прибыли с проекта, который целится на рынок в один триллион долларов в год.

– Стало интересней, но не скажу, чтобы понятнее. Понятнее – это когда задачи и суммы, а пока всего лишь намек на сумму, да и то на ум напрашивается только одна популярная русская мера объема и количества. Для полноты картины расскажите все же о технической стороне проекта.

– Конечно, – Екатерина улыбку и сделала глоток кофе, – но все же последнее слово о деньгах. В контракте будет указана не сумма, а процент с прибыли, в конкретную сумму мы его превратим совместным трудом.

– Хорошо, давайте теперь о технике, – нетерпеливо попросил Сергей.

– Антон Владимирович, тут слово вам, – сказала Екатерина, повернувшись к Карпатову. Тот стремительно встал, хлопнул в ладоши и потер руки.

– Ну, что же, техника так техника, – он взял лежавший на столе небольшой пульт, нажал кнопку – и на стене поднялась панель, открыв большой экран.

– Скажите, пожалуйста, насколько вы знакомы с психологией и нейрофизиологией? – спросил Карпатов у Сергея.

– Считайте, что полный ноль.

– Хорошо, тогда небольшая база для того, чтобы мы оказались, как говорят наши стратегические враги, *on the same page*¹. Имя Ивана Петровича Павлова вам, надеюсь, знакомо?

– Это тот парень, что собачек мучил, вроде, помню из школьной программы, – ответил Сергей. Карпатов поморщился.

– Иногда диву даюсь, как труд великого ученого низводится к издевательствам над животными, – сказал он.

– Иван Петрович в перерывах, отдыхая от издевательствам над собачками, уделял много времени человеческому мышлению – самому процессу и его особенностям. Вы ведь знаете, что такое мышление? – Карпатов повернулся к Сергею и внимательно посмотрел на него, ожидая ответа.

– Ну, я-таки работаю головой, – растерялся Сергей, – по идее, знаком.

– И должен отметить – с потрясающими результатами вы этой своей головой работаете, – Карпатов кивнул.

– Спасибо, – Сергей слегка наклонил голову.

– Не стоит благодарности – это не комплимент, а констатация факта. Итак, создавая проекты, вы создаете модели реальности, собираете, по сути, сложные интеллектуальные объекты, создаете карты реальности, по-вашему – предметной области. Этот процесс и есть мышление.

– А вот собирать эти самые карты можно по-разному, и Иван Петрович в своей модели предложил два поведенческих полюса: одни люди ведут себя, как «мыслители», другие – как «художники», а третий тип Павлов назвал «смешанным», он где-то посередине. В контексте нашей встречи нас интересует один важный момент. Когда вы строите коммуникацию, каждый из поведенческих типов поймет все по-своему, соберет свою собственную картинку.

Когда речь идет об инструкции к кофеварке – это не такая большая проблема. Когда мы говорим о рекламной кампании стоимостью в десятки миллионов долларов – это проблема. Да что там говорить о сложных вещах! Мы друг друга-то понять, на самом деле, не можем, все это – иллюзия понимания, не более того. Все эти «разговоры по душам» и прочая чушь. Представьте себе слово, как камень, – его кинули в воду, по ней пошли круги. Так вот, эти круги от одного и того же слова будут разными у разных людей. Понимаете?

– Конечно. Но ведь реклама не вчера родилась, и проблему, наверное, как-то решили?

– Ну, не совсем. Сформировали понятие «целевой аудитории», из которой отбирают фокус-группу, и считается, что, если фокус-группе понравилось, то, в среднем, понравится представителям целевой аудитории. Попросту говоря, шаманство. Но оно достаточно долго работало и приносило неплохую прибыль, в основном, тем, кто этим занимался. Работает классическая реклама потому, что строится на простом механизме истории. Люди передавали друг другу из уст в уста истории испокон веков. Истории нужны были нашим предкам, чтобы выживать, используя чужой опыт, а не собственные ошибки, то есть тут работает основной инстинкт

¹ На одной странице (англ.) – прим.ред.

– самосохранение. Именно поэтому мы читаем книги, поэтому первая реклама буквально и была историей, да и сейчас это сохраняется. В ужатом, редуцированном виде, но реклама – это всегда история. Человек примеряет ее на себя, точнее, некую роль и эмоции, что продает ему рекламный ролик. Ну, все эти дебильно счастливые молодые люди, потребляющие кофеин с сахаром, привезенный иноагентом в красной шубе, вы понимаете, о чем я, – Карпатов сделал неопределенный жест рукой.

– Да, суть понятна, – Сергей кивнул. – Так, а в чем проблема с фокус-группами? Вроде все просто: собрал неких представителей, усредненных обывателей, и показал им продукт. Логично же – им нравится, значит, похожим на них тоже понравиться должно.

– А что такое «нравится» или «не нравится»? Как вообще работает эта механика? Есть масса исследований, которые объективно доказали, что подобная методика принятия решения – просто полная чушь. Сознание говорит – нравится, мозг говорит – нет, и наоборот. Верят тому, что реципиент сказал вслух, так как с его мозгом никто не разговаривает, просто не умели долгое время. А когда применили ФМРТ и посмотрели, что в этом самом мозгу происходит, когда говорят «нравится» или «не нравится», – картинка полностью изменилась. И что сделали эти шаманы от рекламы? Ну? Как вы думаете?

– Предположу, что стали укладывать фокус-группы в аппараты ФМРТ, – сказал Сергей, улыбаясь.

– Именно! – Карпатов поднял палец. – Не особенно вникая в суть происходящего и его причины, опять же, поставили себе на службу это важнейшее достижение науки. Но не все так просто. Поэтому, конечно, работает, но никак не магия, не волшебная таблетка, решающая все проблемы рекламодателей в условиях информационной перегрузки потребителя. Проблема как была, так и остается – люди собирают картинку реальности по-разному, и коммуникация не может быть универсальной, такой, чтобы любого могла до печенок, так сказать, пробрать и заставить что-то купить. Просто теперь это видно по приборам, и все. Хотя в какой-то степени использовать для практических целей можно, конечно.

– Какой же выход? Ну, глобально, – поинтересовался Сергей.

– Нащупав себе новое поле для деятельности, шаманы придумали нейромаркетинг. Рекламодатели сами свои миллионы не отдадут, поэтому необходимо показать им такую морковку, за которой они пойдут, выстроившись в ряд, держа кошельки открытыми, как те крыски из сказки за волшебной дудкой. Но все это такая же чушь, как и предыдущее, просто старые песни о главном – как освоить побольше денег из рекламных бюджетов. Не такое наглое мошенничество, как двадцать пятый кадр, но все же это не та технология, которую мы ищем.

– Что, совсем не работает? Я читал, что нейромаркетинг – перспективное направление, – удивился Сергей.

– Скажем так: они приоткрыли капот – наш с вами мозг – заглянули внутрь и сказали – ой, мы тут раньше работали с сознанием, а оно, понимаете, не принимает решения, и ему всего-то сто с лишним тысяч лет от роду. Вот же открытие-то, прости Господи! И начали они продавать коммуникацию с «рептильным мозгом». Так, говорят, эффективнее. Звучит и правда круто. Но вот какая там может быть коммуникация – с тем, что не имеет для этого никаких инструментов? Они говорят – эмоции. Ну, наверное, слов-то там нет, а продать что-то необходимо, значит, будем продавать коммуникацию на языке эмоций. Ну, в это я сейчас, конечно, глубоко нырять не буду, не хочу пачкаться, – Карпатов отрицательно покачал головой и даже халат отряхнул, как будто уже успел запачкаться одним лишь упоминанием о современных техниках маркетинговых шаманов, – в общем, проехали, шарлатанство – оно шарлатанство и есть.

– Получается, реклама вообще не работает? – спросил Сергей.

– Хорошая реклама работает, но играет тут талант автора, сценариста, он цепляет потребителя, заставляет его отождествиться с образом, что ему продает рекламодатель, и пережить ситуацию, рассказанную историю. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов и работу режис-

сёра, оператора, но, повторяюсь, цепляет не всех, кто смотрит. Технологии, которая бы позволила клепать универсальные пробивные ролики, не существует. Нам с вами еще предстоит ее создать.

– Создать? – удивился Сергей.

– Да, именно создать. Есть хорошая база – это когнитивная психология. Есть достижения нейрофизиологии – результаты десятилетий научной работы и сотен экспериментов. Наша задача – разработать технологию, которая, используя это научное наследие, решит проблему восприятия раз и навсегда, без шаманства, то есть, простите, нейромаркетинга, тьфу на него, работая на сто процентов в ста процентах случаев.

– Вот смотрите, – Карпатов направил пульт на экран и нажал кнопку – на экране, вмонтированном в стену, появилось изображение книги и шесть пунктов:

1. «Из грязи в князи» – взлет, постепенное улучшение положения от плохого к хорошему.
2. «Из князи в грязи» – падение, от хорошего положения к плохому, трагедия.
3. «Икар» – взлет и падение.
4. «Эдип» – падение, взлет и снова падение.
5. «Золушка» – взлет, падение, взлет.
6. «Человек, загнанный в угол» – падение и взлет.

– Это тоже результат исследования, анализа текстов более 1700 романов. Получили понятную модель, точнее, несколько моделей, так называемых «сюжетных типов». Далее разработали методики написания текстов, уже на основе знания о работе мозга, и предоставили нам простые и понятные инструменты, используя которые, любой желающий может писать недурные тексты. На нобелевку, конечно, не потянет, но продаваться будет неплохо.

Когда-то великие умы выезжали на таланте, подбирали ключи к нашим душам: правильную структуру текста, правильные слова и обороты, ну и, конечно, сюжет. Но они не были волшебниками – они были талантами, которые интуитивно делали правильные вещи. А в наше время их наследие объяснили и превратили в технологию. Талант, конечно же, нужен, нужна какая-никакая идея, сюжет. Но, благодаря технике, научиться писать качественные тексты стало намного проще, и эти тексты будут читать, потому что они правильно построены и технически верны. И, кстати, служители золотого тельца «отжали» из этих техник самое основное и назвали это «сторителлинг», – Карпатов снова нажал кнопку на пульте, сменив картинку на экране. На нем появилось слово «Storytelling», а ниже курсивом было набрано определение:

«Сторителлинг призван воздействовать на человеческое сознание: он внушает определенные мысли, создает сопричастность, вызывает реакцию и призывает к действию. Эффективность этого маркетингового приема заключается в преодолении возражения и неприятия информации».

– Как видите, все работают в одном направлении. Технология существует, но в случае сторителлинга необходимо много усилий, творческого напряжения, и результат точно так же не будет работать на всех. И в ряде проектов ИИ это уже оцифровали, научив их писать вполне достойные тексты.

Тут уже сделана попытка работать с более глубокими слоями психики, с подкоркой, с эмоциями. Образы и истории должны вызывать реакцию и сопричастность. История сама по себе является таким инструментом, как я ранее отметил, она с древнейших времен используется, как средство передачи важной для выживания информации. Мозг реагирует на чужой опыт. Если он может быть полезен, возникает сопричастность, сопереживание и, как следствие, эмоциональная вовлеченность. Есть специализированные компьютерные программы, помогающие писать правильные тексты, есть масса суггестивных техник, позволяющих усилить эмоциональное влияние текстов. Текст также пытаются разобрать на части, есть такое направление, как фоносемантика, работающая со смыслом звуков языка и их воздействием на эмоции,

это уже ближе к нашей теме. А еще ближе будет суггестивная лингвистика, – Карпатов сделал паузу, налил себе воды в стакан и жадно выпил.

– Задача начала обретать формы? – Он повернулся к Сергею и внимательно на него посмотрел, ожидая ответа.

– В общих чертах стало ясно. Когда-то реклама зародилась, как некая история, которая приглашала потребителя поверить в себя, отождествиться с героями и приобрести товар. В процессе развития науки и понимания механик работы нашего мозга были разработаны технологии написания правильных, так сказать, пробивных историй и дополнительно разработано направление о влиянии на наши эмоции непосредственно звуков, из которых состоят слова. И вы предполагаете, что можно разработать некий низкоуровневый язык программирования, который позволит общаться сразу с подкоркой, программируя правильные реакции потребителя. Таким образом мы исключаем самую сложную часть в текущем процессе разработки маркетинговых коммуникаций – а именно, творческую, и, соответственно, зависимость от творцов, которые должны воплотить замысел в некоем произведении, плюс переходим на некий универсальный общечеловеческий уровень коммуникации. Уровень, который нивелирует все различия, что порождают различные психотипы. Правильно понимаю направление?

– Да, именно! – Карпатов хлопнул рукой по столу и, сверкая глазами, посмотрел на Екатерину. – Я же говорил, правильный человек, – он кивнул на Сергея, – все верно схватил и построил. – Карпатов повернулся к Сергею и продолжил:

– Сам, как вы правильно выразились, язык программирования может состоять из любых атомарных единиц, строительных блоков. Звук и свет – это электромагнитные волны, ведь именно они поступают через органы чувств извне и оцифровываются мозгом в некую картинку реальности. Почему бы не попробовать использовать их?

– А зачем вам именно я? Вам, вроде, и так понятно, что делать.

– Это элементарно, Ватсон! Нам нужен инженер в команду. Необходим, скажем так, специфический стиль мышления и подход к решению проблем, который вы наработали, переходя из проекта в проект, решая различные задачи в области искусственного интеллекта. Наша задача не полностью научная, она наполовину все же задача инженерная – это разработка нового языка программирования. И не для машины, для человека! Для машин вы уже все, что могли, испробовали, причем годами старались сделать из машины человека, создавая эти ваши нейронные сети. А сейчас мы предлагаем вам попробовать наоборот – сделайте из человека машину, – Карпатов перевел дух.

– Разве не интересно? – спросила Сергея Екатерина.

Сергей задумался на несколько секунд, представляя себе, в какую машину можно было бы превратить Яшку-Перца, того алкаша с проекта «Собутьльник», и, что важнее всего, чего такая машина может натворить. Картинка вышла не очень.

– Беретесь? – Антон Владимирович слегка наклонился в сторону Сергея, ожидая ответа.

– М-да, предложение заманчивое, и прямо-таки кардинальная смена предметной области, – Сергей улыбнулся и почесал подбородок, глядя Карпатову прямо в глаза. Тот улыбнулся:

– Мне кажется, для вас в настоящий момент это то, что нужно.

– Ну да, ну да, – пробормотал Сергей. – А тестить-то на ком будем? – спросил он. – Для такого проекта необходима соответствующая инфраструктура для отладки. Боюсь даже представить, как будет выглядеть такой отладчик.

– Вот! – Карпатов поднял руку с указательным пальцем. – Правильный подход. На ком тестить – есть, не переживайте, мы уже собрали группу и, когда будет, что тестить, все организуем – он встал и прошелся вдоль стола, остановился рядом с Сергеем.

– А если у них крышу снесет от наших опытов? Тут иногда сервера выносит от кривого кода, а что с человеком-то может быть? – спросил Сергей

– Ну, что тут поделывать, у нас с ними полный консент на все действия. Летального исхода не предвидится, а ментальные проблемы – прописанный в договоре возможный побочный эффект, один из... м-да, – Карпатов засунул руки в карманы халата и слегка покачивался.

– И каков ваш ответ? – спросил он Сергея.

– Мой ответ – «да». От вашего предложения категорически невозможно отказаться.

– Ну вот и ладненько, – Карпатов потер руки и повернулся к Екатерине.

– Ну что же, давайте оформлять молодого человека. Приятно было познакомиться очно, – Карпатов наклонился к Сергею, протянул руку, попрощался и вышел.

– Поздравляю! – Екатерина встала из-за стола, взяла пульт, нажала кнопку, и панель, выдвинувшись из стены, закрыла экран. – Пойдемте, – она сделала приглашающий жест в сторону выхода, – я вас провожу. А завтра мы подготовим пакет документов, я вышлю их вам на подпись.

– Снова письмом? – поинтересовался Сергей, следуя за ней, вновь обратив внимание на завораживающую походку своей будущей коллеги.

– Нет, на этот раз на личную почту. На работе распечатывать вам, наверное, не стоит, у вас хорошо организованная служба безопасности, проверяют все, что печатается на офисных МФУ, почту сотрудников и все звонки по служебному. Мы потому и доставили вам бумажное приглашение, курьером, лично в руки, чтобы никаких утечек и вы не выкинули письмо в личной почте в спам.

– Вы так хорошо информированы о нашей службе безопасности? – Сергей удивленно поднял бровь.

– Да нет, просто так должно быть, организация у вас серьезная, и было бы странно, работай ваша служба безопасности по-другому.

– А если бы я выбросил ваше письмо? Обычно всю бумагу сразу выкидываю в корзину, даже не читая.

– Ну, это вряд ли.

– Применили вашу магию?

– Чистая наука и никакого волшебства. Вы бы не выбросили, – они подошли к лифту. Екатерина остановилась и повернулась к Сергею. Внимательно глядя ему в глаза, сказала:

– Волшебство нам еще предстоит создать и, если получится, у нас есть шанс превратить весь мир в одну большую страну чудес. С теми бюджетами, что нас ждут, это вполне возможно.

– Дай-то Бог, – тихо сказал Сергей.

– Ну, до встречи, – Екатерина протянула руку, Сергей протянул свою в ответ, она снова задержала свою ладонь в его чуть дольше, чем следовало, и так обворожительно улыбнулась, что у Сергея пробежали мурашки по спине.

Приехал лифт, двери открылись, и Сергей вошел внутрь. Екатерина подождала, пока двери закроются. Так же неощутимо и неслышно лифт повез Сергея вниз.

«Вот ведь как бывает. Затребованный поворот судьбы во всей красе. Как говорится – не думал, не гадал», – подумал Сергей и улыбнулся. Отчего-то на ум пришла детская песенка про кузнечика:

Не думал, не гадал он,

Не думал, не гадал он,

Никак не ожидал он

Такого вот конца.

Представьте себе, представьте себе,

Никак не ожидал он,

Представьте себе, представьте себе,

Такого вот конца.

«Я сейчас в самом начале пути перемен и искренне надеюсь, что лягушки в конце пути не будет», – двери лифта открылись, и Сергей покинул здание.

Путь перемен. Первый шаг

Придя на следующий день к себе в офис, Сергей почти час собирался с духом, чтобы обсудить вопрос увольнения с Павлом, своим непосредственным боссом. Они знали друг друга давно, пересекались в этой жизни на разных витках карьеры: то Сергей его приглашал в свои проекты в качестве менеджера, то Павел, в свою очередь, предлагал ему возглавить разработку в своих. В текущей конторе Павел занял солидный пост руководителя дирекции разработки систем машинного обучения и пригласил Сергея возглавить архитектурную группу. И хоть его уход не должен быть создать никаких проблем для проекта, Сергей все равно испытывал неприятное чувство.

Помявшись перед дверью начальственного кабинета, он вошел, кивнул Павлу прошелся по кабинету взад-вперед, заложив руки за спину, вздохнул, почесал подбородок и, усевшись в кресло перед столом руководителя, положил ногу на ногу. Босс молча наблюдал за этой пантомимой.

– Привет! Чем обязан? – наконец поинтересовался тот.

– Слушай, я вот что хотел обсудить, – Сергей зашел издалека, – ходят слухи, что проект наш вот-вот продадут, причем вместе с командой, если верить этим самым слухам.

– И? – босс вопросительно вскинул левую бровь.

– Ну, знаешь, – Сергей посмотрел в потолок, – вся эта рутина, проект давно почти не развивается, плюс смена владельца... – он сделал неопределенный жест рукой.

– Решил уволиться? – Павел наклонился и положил руки на стол. Сцепил пальцы в замок, внимательно глядя на Сергея.

– Ага, – Сергей выдохнул.

– Ну, что же, ожидаемо, – босс откинулся в кресле.

– Ожидаемо?

– Сережа, ты что думаешь, твои наивные игры с резюме на НН прошли незамеченными для HR? Фома Батарейкин? Ты серьезно? В общем, уговаривать и удерживать не буду, иди к девушкам и оформляйся.

– Даже как-то немного обидно, – Сергей пожал плечами.

– Слушай, я тебя прекрасно понимаю. Энтузиасты из банка, что покупают ваш проект, представления не имеют, что с ним делать, и что ваша чудесная нейронка без нашей базы данных – вещь, мало полезная в хозяйстве. Купив проект, поняв суть и расстроившись, они наверняка всех разгонят, включая своих энергичных сотрудников, что замутили эту сделку. Кроме этого проекта, делать тебе в нашей компании больше нечего. Так что не парься. А так как сделка уже подписана, выпишем тебе приятный бонус на прощанье. В общем, попутного ветра, – Павел помахал рукой.

– Ну, ок, – Сергей встал, – пойду увольняться.

– Ага, – босс кивнул и вернулся к своим делам.

Оформление заняло от силы полчаса и, закрыв все дела с кадровиками, Сергей отправился в кафе рядом с их бизнес-центром. С учетом обстоятельств его никто не просил отработать стандартные две недели, и он покинул офис, уже будучи вольной птицей. Выбрав столик у окна и сделав заказ, Сергей в задумчивости наблюдал за прохожими, ожидая еду.

Несмотря на интересные перспективы, которые сулил новый проект, после успешного собеседования его не покидала тревога. Все же тут, на старом месте (а оно уже стало для него старым), он был своим, пустил, так сказать, корни. Парни, с которым провели столько дней и ночей на проектах, – понятный и уютный коллектив.

«Но, как говорится, если хочешь переплыть океан, нельзя бояться потерять берег из виду. Душа – она и на новом месте корни пустит, за ней не заржавеет».

В его жизни это был первый переход не в IT-компанию, а в коллектив с людьми, по сути, из другого мира и теста. Хотя в настоящий момент это, наверное, уже не так драматично, как могло бы быть лет двадцать назад, когда айтишники были больше субкультурой, чем профессией.

Айтишники его поколения – это некая каста, во многом с общими вкусами, идеями и ментальностью. Формирование личности инженера родом из 70-х проходило, в общем-то, по одному маршруту, иногда буквально: на одних развалах покупали диски с софтом и играми; собирали компы, покупая комплектующие на одних и тех же рынках. Эти люди, если можно так выразиться, шарили общее прошлое и вкусы: музыка, фильмы и книги, цитаты из которых они договаривали друг за другом. Переходя из компании в компанию, Сергей, как правило, попадал в знакомую среду, где с первой кружки пива становился «своим». Новыми были только проекты и вызовы, которые они ставили. АйТи – это был выбор сродни религии, в работу вкладывали не просто душу, а саму жизнь, проводя львиную долю ее за компом.

Сейчас у более молодого поколения айтишников, подросшей смены, это уже просто профессия, одна из многих. Такими в его юности были, например, фрезеровщик или токарь на заводе. Исключительность, что создавала в свое время уникальную субкультуру, ушла в прошлое. Многие из современных инженеров даже и не любят свое дело, так, прибило к компу в погоне за деньгами, и последствия их работы, конечно же, соответствующие. Все больше и больше сил уходило теперь на реализацию сложных проектов, так как разгребать последствия ошибок и неадекватных решений подчиненных приходилось ему.

Сейчас вместо радости и азарта при входе в новый проект Сергей чувствовал тоску и апатию. Вот, собственно, та почва, на которой выросла его потребность в переменах. Сергей физически не мог поменять свое отношение к работе, а изменившееся окружение требовало именно этого. Нужно было уходить, найти проект, в котором играли по старым правилам, или попробовать что-то новое – в той области, куда еще не пришли молодые и перспективные гении в водолазках и кроссовках New Balance.

И вот чудесным образом его желание материализовалось. Ему предстояло разработать новый подарок для человечества, которой был призван навсегда убрать навязчивую рекламу с экранов, заменив ее новой, незаметной технологией, которую, может быть, даже будут любить. А заодно еще и научиться писать программы для мозга, разработать язык, который, очевидно, будет пригоден не только для рекламы.

«А для чего еще?» – вдруг встрепенулся Сергей. События разворачивались довольно стремительно, не оставляя времени толком подумать и проанализировать происходящее. Предложение поступило очень вовремя, принесло ответ на давно назревшую потребность перемен, и на этом факте и первой, самой общей информации о будущем проекте, он и был сосредоточен последние дни.

«Очевидно же, что, в случае успеха проекта, технология может быть использована вообще как угодно, не только для рекламы или абстрактных «коммуникаций». Худо-бедно и оружие можно будет состряпать. Не влип ли я в историю? Хотя и хрен с ним, война план покажет», – Сергей мысленно махнул рукой и сосредоточился на принесенной еде. Путь перемен ведет только вперед.

Путь перемен. Странное собеседование

И вот он настал, первый рабочий день, первый день его новой жизни в «Хрустальном мозге». Припарковав свой тюнингованный Vragus на выделенном для него личном месте на подземной парковке бизнес-центра в парковочной зоне компании под пафосным номером 777, он вышел из машины и направился к лифту.

Сергей шел бодрой, пружинистой походкой, провожаемый завистливыми взглядами сонных людей, что выползали из своих транспортных средств эконом-класса, стоящих на штатных местах корпоративных парковок. Его место было очень крутым, под стать автомобилю, даже с индивидуальной подсветкой, что говорило окружающим о статусе владельца, если они еще чего-то не поняли, посмотрев на сам автомобиль.

Vragus был его слабостью. При всем равнодушии к пафосу и различным проявлениям достатка, Сергей очень любил дорогие тачки и мечтал собрать пусть небольшую, но коллекцию машин, «гаражик», как он его называл. В свой джип он вложился по полной, буквально прожив в офисе Vragus в Ботропе целую неделю, отработав с дизайнерами и инженерами каждую мелочь. Понимающий человек мог либо сдохнуть от зависти, увидев это произведение инженерного искусства, либо испытать моментальный оргазм. Тут без вариантов. В третью категорию граждан – тех, что могут проигнорировать это чудо, – Сергей попросту не верил. Чужую зависть в этом случае он принимал с удовольствием и заслуженно.

В агентстве не поспешили на приятные мелочи: как оказалось, в бизнес-центре есть еще два VIP-лифта, доступ к которым открывала специальная карта. Это было даже приятно и немного непривычно для Сергея: обойти полуспящую очередь к лифтам, обычную с утра для любого московского бизнес-центра, и вызвать себе личный транспорт, прикоснувшись картой к отдельной стойке у лифтов. Двери VIP-кабины призывно распахнулись, Сергей вошел. Нельзя было сказать, что она кардинально отличалась от обычной – разница была в мелочах отделки и размере. «Жизненное пространство важно везде, даже в лифте, – Сергей улыбнулся, – чем больше денег, тем больше квартиры, дома, земельные участки, яхты и, как оказалось, даже лифты. Мы платим за расстояние, что отделяет нас от других, ну, и за сервис, конечно».

VIP-лифт сам знал, куда везти Сергея, никаких элементов управления в нем не было. Когда двери закрылись, оказалось, что стены кабины представляют собой экран, на котором включилась панорама Лас-Вегаса. Сергей как будто поднимался на лифте в одном из казино. Судя по ракурсу, это был вид на Стрип из казино «Стратосфера». Разрешение экранов было достаточным для создания правдоподобной иллюзии подъема. Вид вызывал в памяти воспоминания о времени, проведенном в «городе греха», где часто приходилось бывать на различных профильных выставках и мероприятиях.

– Хорошо сделано, да? – раздался сзади грубый мужской голос. Сергей вздрогнул и резко обернулся. Увлечшись панорамой и вызванными ею мыслями, он не заметил, как лифт прибыл на нужный этаж, и двери открылись. Его встречал «шкаф», по-другому и не скажешь, – здоровенный мужик в черном костюме, ростом на голову выше Сергея.

«Какой-то Халк», – подумал Сергей, глядя на встречающего снизу вверх, что для него было действием крайне редким. «Шкаф» сделал шаг назад, приглашая Сергея выйти из лифта.

– Валентин Сергеевич, глава службы безопасности, – представился «шкаф», протягивая Сергею руку.

– Сергей, – он пожал огромную лапищу главы безопасности в ожидании, что тот, по принятому у всех «шкафов» неписанному закону, расплющит его руку в максимально сильном рукопожатии. Даже заранее непроизвольно поморщился. Но все прошло без традиционного хруста костей. Валентин Сергеевич слегка улыбнулся, будто прочитав мысли Сергея.

– С вашего позволения, я буду называть вас по имени-отчеству, Сергей Алексеевич.

– Как вам будет угодно.

– У вас сегодня должен быть первый день на очень ответственной должности, – Валентин Сергеевич двинулся по коридору, увлекая Сергея за собой мягким движением огромной ухоженной лапищи.

– Должен быть? – Сергей недоуменно посмотрел на Валентина Сергеевича.

– Да, у нас с вами есть пара моментов, по сути – формальностей, которые необходимо обсудить, прежде чем вас допустят к работе.

– Я думал, все формальности уже улажены, – удивился Сергей.

– В целом – да, но я должен дать, так сказать, финальное напутствие, задать пару вопросов и прояснить один – самый важный – момент. Фактический допуск к работе осуществляется только после последнего собеседования со службой безопасности, с этого и начинается работа в нашей компании, в особенности – на ответственной должности. А вот мы и пришли, проходите, пожалуйста, – Валентин Сергеевич остановился перед дверью с табличкой «Служба безопасности» и, открыв ее, жестом пригласил Сергея войти. Внутри был мини-офис: кубики, в которых сидели серьезные и сосредоточенные на работе люди, несколько кабинетов с прозрачными стенами, свои кухня и зона отдыха. Все сотрудники были одеты в строгие черные костюмы.

– Ну, прямо «люди в черном», – не удержался Сергей, – я смотрю, у вас даже кухня своя, зона отдыха – как отдельный оазис внутри офиса.

– По моему мнению, неформальная одежда расслабляет, а в нашей работе, – Владимир Сергеевич сделал ударение на слове «нашей», – это недопустимо. Что же касается кухни, вы, как офисный работник со стажем, знаете, что это основное место общения сотрудников. А так как во многом мы находимся в своего рода оппозиции к остальному коллективу, дружеские связи, за которыми может последовать неадекватное для профессионала поведение, не приветствуются.

– Господи, как все серьезно-то у вас, впервые такое вижу, – тихо сказал Сергей.

– Я могу утверждать, что вы вообще впервые за всю вашу карьеру попали в организацию, в которой уделяют должное внимание вопросу безопасности.

– Ну, я бы так не сказал... – начал было Сергей.

– Сергей Алексеевич, если у вас есть сомнения в этом утверждении, я смогу предоставить вам необходимые материалы, на основании которых сделан данный вывод. Но позже, сейчас нам необходимо завершить ваше трудоустройство, пройдемте, пожалуйста, в мой кабинет, – Валентин Сергеевич повернулся и прошел в дальний конец офиса службы безопасности. Дойдя до кабинета с прозрачными стенами и с табличкой, на которой был только номер, он открыл дверь и пропустил Сергея вперед. Войдя, закрыл дверь и расположился за рабочим столом. Сергей сел на стул перед ним.

Валентин Сергеевич взял со стола пульт, нажал кнопку – и стены кабинета потемнели, утратив прозрачность.

– Ну что ж, поговорим? – он сложил руки на столе, переплетя пальцы в замок, и внимательно посмотрел Сергею в глаза. Возникла пауза. Глаза Валентина Сергеевича были не серыми, а именно стальными – такой холодный и равнодушный оттенок серого Сергей встретил, наверное, впервые. Безопасник спокойно изучал Сергея.

Не так представлял себе Сергей начало первого рабочего дня. Он, вообще-то, рассчитывал на встречу с Екатериной, приятную беседу за кофеем, знакомство с командой.

– Екатерина за вами придет, – снова как будто прочтя мысли Сергея, сказал Валентин Сергеевич, – конечно, если наша беседа пройдет успешно.

– А если нет?

– Если нет – я провожу вас до лифта, и мы расстанемся.

– Фигасе, – вырвалось у Сергея, – я, вообще-то, уже с работы ушел.

– Ну, мы же обсуждаем крайне негативный сценарий, все проверки вы уже прошли. Осталась формальность, но она важна, и обсуждать ее до выхода на работу у нас не принято. Простите, но правила придумал не я. – Сергей почему-то ему не поверил. Когда безопасники приходят с каким-то дерьмом, что ставит на уши твой проект, они всегда говорят одно и то же: мы, типа, не при делах, правила есть правила, стандарты есть стандарты. А у самих такая радость в глазах, что не знаешь, что и думать.

– Да, я понимаю, правила суровы, но это правила. Так, кажется?

– Примерно так, да.

– Как я уже отметил, вы прошли все проверки, и серьезных проблем по вашей кандидатуре, с точки зрения безопасности, нет. И опции, что мы можем расстаться, не было бы, если бы не один факт. Работая на компанию «ИТС», вы в рамках подработки на стороне обсуждали архитектуру и особенности реализации информационной системы вашего работодателя. Этот факт, кстати, был зафиксирован службой безопасности самой «ИТС».

– А вы как об этом узнали?

– Из отчета службы безопасности «ИТС», конечно, откуда еще. Они не стали вас увольнять, так как ваша работа была для них крайне важна в то время, но впоследствии, как вы наверняка помните, вас аккуратно вытеснили и убрали с проекта.

– Я, признаться, думал, что это интриги одного из коллег, – растерянно произнес Сергей.

– И да, и нет. Вашему коллеге дали понять, что его кандидатура приемлема, и поспособствовали в реализации его интриг, так что для всех заинтересованных лиц ситуация выглядела совершенно естественно. Должен признать, безопасники «ИТС» отработали очень аккуратно и чисто.

– А вы, что сотрудничаете с «ИТС»?

– Нет, а зачем?

– Вы ссылались на их отчет, я просто подумал...

– Я ранее упоминал, что по-настоящему безопасностью ни в одной вашей компании никто не занимался. Отчет мы взяли из их базы, получив к ней доступ, что не составило труда для моих специалистов.

– Понятно.

– Так вот, данный факт и требует определенной проработки. Вы, конечно, не сливали закрытые данные намеренно и не использовали интеллектуальную собственность «ИТС», так сказать, напрямую, в виде исходного кода или компонентов, в другом проекте. Но вы ссылались на уникальный опыт компании, ее наработки и пути решения возникших проблем – в другом проекте, на третье лицо. Вот это проблема. Понимаете, о чем я?

– Скорее да, чем нет, – промямлил Сергей.

– Вы, как человек творческий и серьезно финансово мотивированный, к таким вопросам относитесь немного, я бы сказал, легкомысленно. Здесь, у нас в компании, много ученых. Тоже люди творческие, тоже слегка легкомысленные, вот прямо как вы. Но, благодаря нашей работе, для них подобные вопросы уже давно закрыты, прямо на уровне рефлексов. Прекрасно понимая, что любое слово, фраза, сказанные в неудачном месте и в неудачное время, могут помочь конкуренту опередить работодателя в проекте, что сулит миллиардные прибыли, они, скажем просто, умеют фильтровать базар. А вы вот нет. Уверен, вы считаете – сам факт, что вы не сперли исходники, не переиспользовали написанный для «ИТС» код, а просто поделились с третьим лицом ноу-хау, не выглядит в ваших глазах проблемой. Только честно! – Валентин Сергеевич наклонился вперед и вперил взгляд своих холодных серых глаз в Сергея.

– Да. Ну, я и правда ведь ничего такого... – Сергей сник. – Да, мы обсудили, как решали определенные проблемы, как повлияла на архитектуру продукта растущая нагрузка, но я не передавал никаких наработок.

– Вот! – Валентин Сергеевич хлопнул по столу своей огромной ладонью. В маленьком помещении хлопок прозвучал, как выстрел, Сергей непроизвольно дернулся. – Как раз то, о чем я говорил. А ведь NDA-то подписали?

– Конечно, куда ж без него.

– А читали, прежде чем подписать?

– Ну так, по диагонали. Стандартно же все.

– Да, я понимаю, проверили, что это не договор на продажу почки, и на этом все. Да?

– Если утрировать до такой степени, то да, так и есть, – Сергей выдохнул.

– Не знаю, про какую степень вы ведете речь, Сергей Алексеевич, но по факту вы слили интеллектуальную собственность своего работодателя. И за такие разговоры в эпоху СССР с представителями иностранной научной общественности некоторые довольно перспективные и молодые ученые лишались жизни.

– Да, я слышал, даже застал, чай, не мальчик. Но сейчас времена-то другие...

– Вы уверены? – Валентин Сергеевич снова внимательно посмотрел на Сергея. Эта его манера впиваться взглядом в собеседника уже начинала подбешивать.

– Что вы имеете в виду?

– Вы уверены в том, что времена могут настолько измениться, что за подобные преступления, а это именно что преступление, наказанием будут лишь интрига и увольнение?

– Как бы да, девяностые прошли, СССР уже давно канул в Лету, мы же не дикари, в конце концов, людей-то убивать. У нас и смертной казни в уголовном кодексе нет уже лет тридцать, если не ошибаюсь.

– В уголовном кодексе, Сергей Алексеевич, ее нет, не отрицаю, но должен по этому вопросу вас немного поправить. Собственно, мы как раз и подошли к сути нашей беседы, – Валентин Сергеевич шумно вздохнул и снова сложил руки на столе, вперив свой взгляд в Сергея. Тот неожиданно для себя напрягся. Пауза длилась добрую минуту.

– Простите, я просто думал, как вам сказать, но, наверно, лучше всего по-простому, – нарушил молчание Валентин Сергеевич.

– Да, наверное, так будет лучше, о чем бы вы ни вели речь, – промямлил вконец растерявшийся Сергей.

– Хорошо. Ну так вот, Сергей Алексеевич, если с информацией, которую вы получите, работая в нашей компании, вы поступите так, как поступили с наработками «ИТС», мои люди вас убьют, – Валентин Сергеевич сказал это тем же тоном и с теми же интонациями, как говорил ранее, словно о простом и будничном вопросе.

Первой реакцией Сергея было встать и уйти – настолько дико прозвучало услышанное им сейчас. Он даже дернулся было на стуле, потом взял себя в руки, кашлянул, огляделся по сторонам, потер руки, глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Валентин Сергеевич молча наблюдал за этой пантомимой, невозмутимой скалой нависая над столом и Сергеем.

– Теперь понимаете, почему тут у нас оазис, как вы изволили выразиться? И почему кухня отдельная?

– Да, – выдохнул Сергей.

– Теперь повторю еще раз, обрисую всю картину, чтобы вам было окончательно понятно. Вам предложена работа в качестве руководителя проекта с наивысшим уровнем доступа к корпоративным секретам, по-другому никак, иначе вы свои обязанности выполнять не сможете. Ряд наработок компании настолько опередил свое время и конкурентов, что даже простое упоминание о них, как о факте, может создать серьезные проблемы для нас, причем на уровне правительств, в тех странах, где мы работаем. В данном контексте ваша жизнь совершенно ничтожна, и вы должны ясно понимать, что вариантов уйти от ответственности не будет и скрыть подобные факты не получится. На одной чаше весов у вас возможность работать с технологиями, которые вам даже и не снились, я уверен в этом и попрошу не возражать, –

Валентин Сергеевич сделал предупреждающий жест, выставив перед Сергеем свою огромную лапищу, хотя тот и не собирался ничего говорить, – а на другой – ваша жизнь. Вы можете вернуться в привычную вам среду, здесь и сейчас, просто выйдя из офиса. Вас через неделю примут на работу в какое-нибудь другое место, с неплохим окладом, вы это прекрасно знаете.

Но, вы можете войти в новый для вас мир, не побоюсь этого пафоса – войти в будущее. Правда, с озвученным мною условием. Может быть, вас оставить одного? – участливо поинтересовался Валентин Сергеевич, чуть наклонив голову.

Сергей поднял на него глаза. До этого он сидел, глядя в пол и скрестив руки на груди. Валентин Сергеевич был похож на стаффордширского терьера, ожидающего команды хозяйина. Все в его облике бесило Сергея: костюм, сидящий так, что казался нарисованным прямо на теле, эта его пачка – даже не лицо, а именно пачка, – стрижка, манера говорить и чудовищные габариты. Больше всего бесило осознание собственного бессилия – и физического, и, если можно так выразиться, ресурсного. Против самого Валентина Сергеевича и того, что стояло за ним, Сергею нечего было выдвинуть. Он был простой человек, ноль, несмотря на свой опыт, понты и приличное финансовое положение. И он прекрасно понимал, что угроза смерти – не угроза, а просто констатация факта: если он ляпнет лишнее, его не станет. Машина, частью которой являлся Валентин Сергеевич, выполнит эту работу точно так же, как, например, обновление антивирусной базы или прошивки файрвола. Некто в черном костюме отнимет его жизнь и пойдет дальше – заниматься своими делами.

– Да, простите, забыл одну мелочь, – прервал его размышления Валентин Сергеевич, – тут, конечно, непросто вот так на вас все вываливать, но лучше уж сразу. С учетом важности вашей работы и сведений, к которым вы получите доступ, у нас есть, скажем так, право действовать превентивно.

– Превентивно? – не своим голосом просипел Сергей.

– Да. Было бы глупо ждать, когда вы что-то и где-то ляпнете, не подумав, замутите, как вы это называете, «очередной стартап под пивасик в пабе» и вложите туда пару идей с текущего проекта. Согласны?

– Звучит логично, – уже своим голосом, собравшись, ответил Сергей, – но как же можно действовать превентивно? А если ошибка?

– Смотрите, мы, конечно же, сначала предупредим, если увидим, что вы повернули не туда, или на вас вышли нехорошие люди. А это, поверьте, случится. У вас появится новый друг, случайно, в баре или на отдыхе, или подруга, которая будет вам подходить на 99%, читать ваши мысли и договаривать за вами фразы. И вам захочется выступить, расправить крылья, показать, в каких высоких сферах вы летаете. Ваши откровения будут встречены с максимальным вниманием, поверьте, и переданы по эстафете заказчику.

– Что вы несете? – удивился Сергей.

– Сергей Алексеевич, цель нашей встречи – донести до вас, что сейчас, здесь, в этом проекте и компании, вы впервые в вашей жизни получите доступ к настоящим секретам. Станете их носителем, со всеми вытекающими. То есть вы станете объектом, которым будут интересоваться наши конкуренты и спецслужбы разных стран.

– Спецслужбы?

Валентин Сергеевич тяжело вздохнул:

– Мы – транснациональная корпорация, занимающаяся различными научными разработками, они интересны не только конкурентам, но и правительствам стран, где мы работаем. Было бы глупо с их стороны игнорировать наличие на своей территории офиса исследовательских подразделений компании такого масштаба и направления.

– Направления? Мы вчера говорили, вроде, про рекламу. А вы сейчас о чем?

– Прикладные исследовательские работы, связанные с использованием достижений нейробиологии в области массовых коммуникаций. Плюс сеть аффилированных высокотехно-

логичных компаний, в которые мы инвестируем. Это же все нельзя скрыть, а поиск и собеседования людей определенного профиля дают понять внимательному наблюдателю, куда мы копаем, и незамедлительно возникает желание получить конкретику.

– Так если ФСБ захочет получить от меня информацию, они могут просто, следуя традициям, увезти в подвал, пытать и получить все, что им необходимо. И что, вы меня потом еще и добьете? Я же не Зоя Космодемьянская, в конце-то концов... – Сергей развел руками, явно пребывая в растерянности.

– Так поступают только в тупом американском кино. Подобные поступки – прямая конфронтация, нападение. Результат они, конечно, могут иметь, но ведь никто точно не знает, что именно знаете вы, а арест и пытки без следа и последствий не проходят. В конце концов, речь не идет о прямой угрозе национальной безопасности, вы не являетесь источником информации о том, где установлена бомба с тикающим таймером, – Валентин Сергеевич в свою очередь развел руками и добавил:

– У нас ведь тоже есть ресурсы в разных сферах, и мы сможем создать ответственным за такое нападение серьезные проблемы. Поэтому вас будут соблазнять на сотрудничество, а скорее всего – просто попытаются развести, как лоха, простите за откровенность. Ведь именно это и произошло в случае с «ИТС».

– Что!?

– Неужели вы думаете, что инвесторам был нужен тот тупой стартап? Правда? И он что, потом взлетел? Им нужно было то, что вы рассказали попутно, именно вот эти секреты компании, так как на собственном проекте заказчика возникли аналогичные проблемы. Запускать свои научно-исследовательские работы дико дорого и столь же долго. До вас доходит? Вам дали немного денег за сведения, которые стоили в десятки раз дороже. Потом стартап слили, как нерентабельный, вы чувствовали себя магом, обманувшим мир и урвавшим у него свои тридцать серебряников, а на деле были простым шутом.

– Да вы поэт, – неожиданно сам для себя сказал Сергей.

– Приходится, – улыбнулся Валентин Сергеевич. Причем улыбнулся так по-человечески и не служебно, что Сергея вдруг отпустили и бешенство, и шок, и страх – все разом. Он откинулся на спинку стула, вытянул руки над головой и немного прогнулся назад, вытянув ноги, – с наслаждением, до хруста суставов. Вернувшись в нормальное положение и выдохнув, Сергей посмотрел в глаза Валентина Сергеевича и сказал:

– Все понятно, готов, где и чем подписать?

– Все, что необходимо, вы уже подписали, я лишь прояснил детали, привел пример из вашего же прошлого. Если вы все поняли, это хорошо, и я очень рад, честно. Было бы обидно потерять сотрудника, который настолько подходит по профилю на эту должность.

– Это вы про анализ моей личности, что сделала группа Карпатова?

– И про него, и про работу моих людей, и про мое собственное впечатление. Вы – отличный специалист, и я уверен, что проект под вашим руководством отлично взлетит. Просто будьте аккуратнее, и все, а мы подстрахуем, поможем.

– Девочек моих вам на проверку отдавать, брать анкету?

– За девочек и других новых знакомых не переживайте, мы рядом, сами все проверим и, если что, поправим.

– И что, мне теперь в каждой, которая, как мне кажется, мне подходит, видеть шпионку?

– Ну почему же сразу шпионку? Вообще, подобное поведение со стороны любой женщины должно вас настораживать, так как чудеса в реальности встречаются редко – это я про любовь с первого взгляда, понимание с первой фразы, ну, и прочее. Скажем так, они встречаются куда реже, чем хорошо подготовленные девушки. Вы – человек состоятельный, холостой и привлекательный, в особенности для определенной категории лиц женского пола. Совсем

не обязательно, что это будет шпионка, может быть, просто хорошо тренированная шлюха с понятным меркантильным интересом.

– И?

– Если это будет шпионка, вы получите от нас предупреждение.

– А если шлюха?

– Вы уже взрослый мальчик, разберетесь сами. Но если вдруг вам понадобится помощь, не стесняйтесь. Так что? Решение принято, все понятно, возражений нет?

– Да.

– Ну вот и хорошо, – сказал Валентин Сергеевич, вставая. Сергей тоже встал со своего стула.

– Есть вопрос, можно? – спросил Сергей.

– Да, конечно.

– А с девушкой или случайным другом, которым я потенциально могу передать секретные сведения, что случится?

– А вы сами ответ придумать не можете? – Валентин Сергеевич внимательно посмотрел на Сергея, слегка наклонив голову, став похожим на прилежного стаффа, ждущего команды хозяина.

– Понятно, – вздохнул Сергей, – а как вы вообще узнаете?

– Работа такая. Не переживайте, вы, главное, не вляпайтесь ни во что, чтобы не получать этот печальный опыт. На этом все?

– Да, я все понял, спасибо, больше вопросов нет, но насчет девушек вы это как-то зло, цинично очень. Но, не все так беспросветно, поверьте. Я знаю много примеров, доказывающих обратное.

– Да я вообще баб не очень, честно говоря, мне мужчины нравятся, – буднично сказал Валентин Сергеевич, сделав сложный жест рукой, как будто отмахиваясь от назойливой мухи или от самой идеи о возможности сожительства с женщиной.

Сложно сказать, что больше поразило Сергея за время беседы с этим странным человеком: его пояснения относительно насильственной смерти за беседу с потенциальными шпионами или этот импровизированный каминг-аут. Ноги подкосились, и он плюхнулся обратно на стул с открытым ртом, ошарашенно глядя на громадную тушу Валентина Сергеевича. Тот добродушно посмотрел на него сверху вниз, покачал головой и, подойдя к столику в углу кабинета, налил из графина воды в стакан. Подошел и протянул его Сергею. Тот взял стакан и жадно сделал глоток, но в этот момент у него перед глазами встала сцена страсти с участием Валентина Сергеевича и другого мужчины, причем в таких красках и деталях, что он подавился, выплюнув воду на ковролин кабинета.

– Ой, да ладно вам – Валентин Сергеевич положил Сергею руку на плечо

– Я бы постучал, но боюсь силу не рассчитать, только хуже сделаю

– Спасибо, не стоит – сдавленно проговорил Сергей

Он прокашлялся, вытер выступившие слезы салфеткой, которую ему протянул Валентин Сергеевич, поднялся на ноги и поправил пиджак. Потоптался, проверяя, слушаются ли они его ноги как положено.

– Ну что ж, это дело каждого, понятно теперь, почему вы так про девушек, – пробормотал Сергей.

– Сергей Алексеевич, – Валентин Сергеевич положил свою лапу на плечо Сергея, – про девушек я не потому так говорю, что я гей, нет, а потому, что я все-таки работаю в службе безопасности, и у меня очень, очень большой стаж. Как сказал герой одной книги, в чем-то мой коллега, за время службы я видел много женщин – и голых, и хорошо одетых, и даже с начисто содранной кожей. Внутри было всегда одно и то же, один и тот же механизм. Это как калибр у швейцарских часов: моделей много, а внутри те же самые шестеренки. Были ли

исключения? Конечно, были, но такие редкие, что уводят в область чудес – можно в них верить, можно не верить, а можно и списать на статистическую погрешность. Я не верю, а вы вот, вижу, верите. Это хорошо, пока на этой вере не паразитируют. Ну да ладно, давайте оставим уже столь непростую тему, и я передам вас в заботливые руки Екатерины.

Валентин Сергеевич взял пульт со стола и нажал на кнопку, сделав стены снова прозрачными. Сергей увидел Екатерину, стоящую снаружи у двери. Она улыбнулась и помахала ему рукой. Сергей улыбнулся в ответ, и все, сказанное Валентином Сергеевичем про женщин, отступило куда-то на задний план. Валентин Сергеевич хмыкнул, покачал головой и, открыв дверь кабинета, пригласил Сергея на выход.

– Здравствуй и добро пожаловать в нашу команду, – Екатерина протянула Сергею руку. – Как ты? – спросила она, участливо глядя ему в глаза.

Сергей пожал ее руку. Как и в прошлый раз, она чуть дольше, чем следовало, задержала ее в его руке. Он обратил внимание на это «ты», и у него отчего-то потеплело на душе.

– В целом норм, необычно и неожиданно, но пережил, – ответил Сергей.

– Я рада. Сама, признаться, в свое время была немного в шоке, но ни разу не пожалела о своем желании остаться.

– Захотелось узнать, насколько глубока эта нора, да? – спросил Сергей.

– Да, я уверена, что и тебе это будет интересно. Хотя нет, сейчас ты и правда ощутишь себя Алисой, падающей в кроличью нору. Причем местами и буквально, м-да... – Екатерина непроизвольно почесала пальцем нос. – Ну, а потом уже будет интересно, даже очень, поверь мне.

Она засмеялась. Сергей оглянулся на все еще стоящего в дверях своего кабинета Валентина Сергеевича и спросил:

– А передумать ведь еще можно? – Тот усмехнулся, покачал головой и, закрыв дверь кабинета, направился к своему столу.

Екатерина повернула к выходу, Сергей пошел за ней. Выходя из офиса службы безопасности, он оглянулся. Стены кабинета Валентина Сергеевича снова стали непроницаемыми.

Путь перемен. Кроличья нора

- Мы перешли на «ты»? – спросил Сергей, когда они вышли в коридор.
- Конечно, нам же работать вместе, лишний официоз тут никому не нужен, мы работаем командой над очень сложными задачами, нужно дружить, – Екатерина улыбнулась.
- Будем дружить? – спросила она и протянула руку.
- Однозначно, – Сергей принял игривый тон и рукопожатие.
- Ну, вот и отлично. Сейчас я тебя познакомлю с командой. Структуру команды под задачи проекта я разработала сама, но ты можешь поправить. Как освоишься с проектом, все обсудим, если кого нужно будет добавить – добавим, убрать – уберем. Проект твой, я – куратор, отвечаю за проект перед акционерами.
- А Карпатов кто, какая у него роль в проекте?
- Карпатов – это мегамозг, кладезь данных, консультант и генератор идей. Он – важнейшая часть проекта. У тебя IT-часть, по сути, разработка инструментария, а у него все, что связано с мозгом. Идея, концепт проекта, принадлежит ему, ну, и деньги, как ты понимаешь, дали под него.
- Логично.
- Вот мы и пришли, – Екатерина показала на дверь с табличкой «Биометрия». Сергей удивленно посмотрел на Екатерину:
- Биометрия?
- Ага, доступ в закрытые зоны по биометрии, сейчас ты подпишешь разные бумаги, дающие нам право на сбор и хранение твоих биометрических данных, а потом мы их соберем. Все, собственно, просто. Ну, может, чуть сложнее, чем настройка нового мобильного.
- Ага, – усмехнулся Сергей.
- Проблемы?
- Да нет. Сначала меня ваш начальник СБ прогрузил аж до печенок, теперь вот биометрия – день перестает быть томным.
- То есть, когда компания из враждебного государства, у которой ты за свои кровные купил телефон, собирает твои биометрические данные для доступа к купленному устройству, ты не возражаешь? Причем ты даже не понимаешь, с какой целью они это делают, ведь не для твоего же блага, в самом деле. Но когда твой работодатель, то уже проблема?
- Но мой работодатель, вроде как, тоже из недружественной страны, или я ошибаюсь?
- Все не так однозначно. Твой работодатель – это транснациональная корпорация, со штаб-квартирой на территории противника, в настоящее время даже не потенциального, а вполне реального. Это так. Но чья на самом деле это компания – вопрос непростой.
- И я получу на него ответ?
- Конечно, но давай ты сначала получишь ключи для доступа к этим ответам, – Екатерина открыла дверь и буквально втолкнула Сергея в помещение, – я тебя снаружи подожду, – сказала она и закрыла дверь.
- Сергей огляделся. Он попал в большое помещение, нечто среднее между кабинетом зубного врача и небольшой серверной, где помимо него находилось еще несколько человек в белых халатах. Непричесанный парень с окладистой бородой а-ля Лев Толстой обратил внимание на Сергея. Он быстро подошел к компьютеру, стоящему на столе у входа, и что-то там посмотрел.
- А вы у нас Сергей? – вопросительно произнес парень.
- Сергей Алексеевич, если быть точным, – неожиданно сам для себя, ответил Сергей.
- Хорошо, ну, а я – Антон, просто Антон, без заморочек, – парень обошел стол и протянул руку.
- Сергей, просто Сергей, – сказал Сергей, немного ступешавшись, пожимая руку Антону.

– Не переживай, я все понимаю, ты после беседы с безопасником, да?

– Ага.

– Все нормально, все там были, скоро пройдет, освоишься. Но сейчас будет тоже чуток странно. Тебе, собственно, вот сюда, – Антон показал на кресло, напоминающее зубо-врачебное, – сними только пиджак, пожалуйста, и закатай левый рукав рубашки.

– Фигасе! – Сергей немного растерялся.

– Да не парься, просто все-в-одном, чтобы быстрее было. Мы тебя не больно отсканим, раз – и готово, – Антон улыбнулся и подтолкнул Сергея к креслу. Сергей снял пиджак, засучил, как просили, рукав рубашки и уселся в удобное кресло. Антон нажал кнопки на пульте, подогнал положение тела Сергея, пристегнул его ремнями.

– А это зачем? – удивился Сергей.

– Чтобы все получилось с первого раза, не переживай.

– Меня уже столько раз попросили не переживать, что я реально беспокоюсь. Это не выход на работу, а какой-то прием в масоны, как минимум.

– Ну, в какой-то степени, наверное, так и есть. На самом-то деле, если контора заморачивается по безопасности, похожие процедуры она у себя в арсенале имеет. У нас просто все доведено до крайности и основано на самых современных разработках. Ты просто раньше, видимо, работал в местах, где безопасность существовала для мебели, поэтому и удивляешься... – Антона прервала девушка в белом халате. Она подошла к креслу, неся перед собой небольшой поднос, который поставила на выдвижной столик с левой стороны. Девушка улыбнулась Сергею и мягко нажала на лоб, помогая поудобнее устроить голову на подголовнике кресла. Сергей решил последовать совету и не париться, не бежать же, в самом деле, отсюда без оглядки только потому, что люди решили заморочиться на безопасности. Он уставился в потолок и расслабился. Запахло спиртом, и к левой руке прикоснулись чем-то холодным, потом он почувствовал укол.

– Так, почти все готово, теперь мы положим твои ладони на сканер, – Сергей почувствовал, как обе его ладони положили на какие-то шарообразные конструкции, – так, и последнее, – Антон надвинул на лицо Сергея маску, похожую на шлем виртуальной реальности, и прижал к лицу. – Не закрывай глаза, пожалуйста, – попросил он, – там сейчас выдвинутся такие специальные штуки, они чуть надавят на глаза, неприятно, но не опасно, дальше все займет меньше минуты. Ок?

– Ага, поехали уже, – стараясь, чтобы голос звучал бодро, ответил Сергей. Он услышал, как Антон усмехнулся.

В маске зажегся яркий свет, какие-то валики надавили на глаза. Теперь Сергей при всем желании не мог их закрыть. Потом свет замигал, сменился ярко-красным, затем синим, зеленым – и снова стал белым. В руке, куда воткнули иглу, возникло тянущее ощущение. Валики с глаз ушли, Антон снял маску, и Сергей почувствовал, как девушка вынула иглу из руки и наложила повязку.

– Ну, все, можешь вставать, повязку через полчаса сними. Данные мы обработаем через 40 минут, и все доступы появятся, ты пока как раз с командой поговоришь.

– Спасибо, а кровь-то зачем?

– Ну, тут есть несколько зон, в которые ты заходить будешь очень редко, там доступ по крови.

– По крови? Даже не слышал о таком в реальности, прям «Гаттака» какая-то.

– То ли еще будет, чувак, – Антон хлопнул его по плечу, – вставай, там Екатерина уже, наверное, заждалась.

Сергей встал, завернул рукав рубашки и, надев пиджак, направился к выходу, попрощавшись с Антоном. Открыв дверь, он увидел Екатерину, которая что-то сосредоточенно читала на планшете.

– Ну, я, вроде, все, хотя, конечно, уже ни в чем не уверен. Что нас ждет далее? —спросил он.

– На работу ты полностью оформлен, поздравляю и, как говорится, – добро пожаловать на борт. Далее пойдем тебя знакомить с командой, а как включатся доступы – покажем тебе еще один фокус, и на сегодня, наверно, все.

– Я, вообще-то, не привык от звонка до звонка работать, в первый день могу и задержаться.

– Тебе будет, о чем подумать, да и нервы не железные. Мы – не обычная контора, мы – очень серьезная контора, не перегружай себя.

– Ох уж эти ваши секреттики!

– Не хочу портить впечатление. Заодно пазл сложится, почему и зачем такая безопасность, чтобы тебя ночью эти вопросы не мучали, а мучали правильные.

– А правильные – это какие?

– Правильные, Сереж, – это как жить в этом новом дивном мире, – Екатерина засмеялась, – извини, ты, правда, как Алиса в Стране Чудес: кругом загадки, недомолвки и странности. Пойдем, сорвем покровы с тайны.

Они направились к лифтам. Сергей шел позади, снова любясь походкой Екатерины. Хоть какие-то положительные эмоции за утро, а то – как в парке аттракционов, в лабиринте кошмаров.

Поднявшись на уже знакомый Сергею этаж, пройдя тем же путем, как и на собеседовании, он попал в выделенный под его проект офис, который находился в самом конце зоны «NeuroCube». Все средства контроля доступа здесь уже полностью подключили.

Внутри ремонт тоже уже был полностью завершен, и офис выглядел живым. В нем сутились люди, кипела жизнь, и на их приход никто не обратил внимания. Сергей поразился, ведь недавно тут было просто свежееотремонтированное помещение, а сейчас – полностью обжитое рабочее пространство.

– Пошли, покажу тебе твой кабинет, – Екатерина взяла его под руку и повела через офис. Они прошли мимо переговорных и остановились перед дверью еще одного лифта.

– А я разве не здесь, не со всеми? – удивился Сергей.

– Здесь, только чуть повыше, – Екатерина показала вверх, – вот там.

Сергей поднял голову и увидел, что наверху, под высоченным потолком офиса, на который он в прошлый раз не обратил внимания, находится большое помещение с прозрачными стенами. С него отлично просматривался весь офис – эдакая капитанская рубка.

– Как капитан корабля, да? – спросил Сергей.

– Именно! Заходи, – пригласила его Екатерина, показывая на гостеприимно открывшиеся двери лифта. Они вошли в просторный лифт, поднялись на этаж выше и вышли в большой холл, где были только две двери.

– Тут твой кабинет и твоя большая переговорка, комната стратегических совещаний, так сказать, очень хорошо продуманная, сюда как раз все и соберутся сейчас на знакомство с тобой, пойдем пока кабинет осмотрим.

Екатерина открыла дверь и жестом пригласила Сергея войти.

Они вошли в довольно большое помещение. Стена напротив входа была огромным окном, стена слева – окном в офис, кабинет нависал над ним – и правда, как рубка боевого корабля, – настраивая обладателя на правильный лад. Пол был устлан шикарным ковром с коротким ворсом, не ковролином, а именно ковром с интересным геометрическим орнаментом, напоминающим пиксельную графику. Ближе к окну располагался массивный стол из стекла и металла, справа в стене была мини-кухня со всем необходимым, включая настоящую итальянскую машину для приготовления кофе, не кофе-машину, а именно классическую: рожковую и довольно массивную. В кабинете пахло кофе и дорогим мужским парфюмом. Он не

был пустым новым помещением, пахнувшим ремонтом, – это было живое рабочее пространство руководителя, которое тот покинул несколько минут назад по неотложной надобности. В дальнем правом углу находилась зона отдыха (или пространство для частных бесед): диваны, большой журнальный столик, винный холодильник и стойка с бокалами и графинами с темной жидкостью – видимо, в них было что-то достаточно крепкое.

– Круть какая, – пробормотал Сергей, – а где будет секретарь руководителя?

– Внизу, тут ей нечего делать. Здесь кипит работа, и все отвлекающие факторы в мини-юбках отправлены подальше. Кофе и чай ты сможешь сделать сам, для этого, как видишь, все необходимое предоставили, а алкоголь там, – Екатерина показала на зону отдыха, – так что работайте, дорогой товарищ, – она похлопала Сергея по плечу, – у тебя тут даже собственная ванна. Лучшим – только лучшее.

Сергей подошел к окну – полюбоваться видами, и с удивлением понял, что это не окно, а экран с очень высоким разрешением, подобный тому, что он видел сегодня в лифте.

– А где окно? – он с удивлением оглянулся на Екатерину.

– Окон у нас в офисе нет вообще, везде экраны.

– А снаружи что?

– Снаружи окна, но они закрыты экранами. Там стоят камеры и транслируют на экраны реальный вид, но есть и бонусы, – Екатерина подошла к столу и взяла с него пульт, – если вдруг надоело наблюдать московские пробки, можно временно переехать, скажем, в Нью-Йорк, – она нажала кнопку, и вид за окном сменился на панораму Манхэттена примерно с той же высоты. От резкой смены вида за окном Сергей испытал головокружение.

– Прикольно, – усмехнулся он, – что там еще в меню?

– Да много разного, потом побалуешься, на досуге. Однако есть один приколот от разработчиков, у амеров своеобразный юмор, смотри. – Панорама за окном изменилась кардинально: мрачный и унылый вулканический пейзаж с действующим вулканом справа и высокой башней посередине. На самом вершине башни горел огромный желтый глаз – не то кошачий, не то змеиный.

– Мордор, что ли? – спросил Сергей.

– Ага, так вот они нас видят. Издержки вражеской пропаганды, что поделать, – Екатерина пожала плечами.

– А к чему все это? – Сергей показал на экран, заменяющий окно.

– А сам не догадываешься?

– Опять безопасность?

– Да, и опять, и снова, и еще множество раз ты столкнешься с различными мерами защиты. Никто не может ни заглянуть в офис, ни прослушать его – полная блокировка для средств аудиовизуальной разведки. Если кто-то решит попробовать, то увидит картинку, которую выводят на экран для любопытных.

– О как?! Экран двусторонний, что ли? Мне показывает одну картинку, а смотрящим снаружи – другую?

– Да, а ночью наши окна светятся, как и любые другие в этом бизнес-центре, там видны столы, сотрудники и даже уборщицы, в соответствии со временем суток. Все, как в любом другом офисе, за исключением того факта, что это – 3D-анимация, высокого, правда, качества. И даже звук со стекла можно снять – будет обычный офисный шум.

– Звук со стекла?

– Господи, ну, ты меня поражаешь, если честно, а вроде, инженер! – Екатерина удивленно посмотрела на Сергея. – Звук можно снять со стекла лазером удаленно, для этого есть широкий ассортимент средств акустической разведки.

– А зачем передавать шум, и вообще вся эта имитация?

– Если кто-то лезет к нам, понимая, что ищет и кто мы, он увидит достойную защиту и пойдет искать другие пути. Если постучится идиот, купивший дорогую игрушку, он увидит обычный офис. А увидев непрозрачные окна, не услышав привычных звуков, идиот может начать постить в разных каналах на просторах Интернета информацию о странном офисе в Москве. Тогда множество других идиотов, как мухи на говно, соберутся на соседних крышах и начнут постить догадки о том, что находится за вечно темными окнами престижного бизнес-центра. В общем, за подробностями в СБ, если интересно.

– Да нет, – Сергей провел рукой по стеклу, что закрывало экран, создавая максимально правдоподобную иллюзию окна, – вопросов нет. Солидно, дорого и круто.

– Ну, раз так, пойдем к нашим, – сказала Екатерина и направилась к выходу из кабинета.

– Ты вот давеча помянула вражескую пропаганду, – сказал Сергей, следуя за Екатериной, – все же странно слышать такое от сотрудника американской корпорации.

– Мир полон неожиданностей, но скоро все встанет на свои места, – они вышли в холл, Екатерина подошла ко второй двери и остановилась, – смотри, там собран сейчас не весь коллектив, только руководители направлений, чтобы презентация не затянулась надолго, и ты получил общее представление о составе команды и сфере деятельности подразделений. В функции каждого тебе еще предстоит вникать, и каждый руководитель проведет для тебя отдельную презентацию. Они уже все у тебя в календаре. Как только ИТ доставит твой рабочий ноут, там все увидишь. Также там будет и реестр сотрудников, пожалуйста, ознакомься до завтрашнего утра с резюме руководителей, к каждому прилагается аналитическая записка, подобная той, что ты читал о себе.

– Хорошо.

– Тогда вперед, – Екатерина открыла дверь, пропустив Сергея.

– Коллеги, здравствуйте, с кем еще сегодня не виделись, простите, что отрываем от работы, постараемся оперативно, – сказала Екатерина, входя вслед за Сергеем и обращаясь к собравшимся, – присаживайтесь, пожалуйста, проведем краткое знакомство, и далее возвращаемся к работе.

Помещение, куда они вошли, представляло собой большой овальный зал. Стена слева была окном той же природы, что и в кабинете Сергея, остальные оформлены в стиле ар-деко, как и, в целом, все помещение. Сергею эта переговорная сразу очень понравилась, тем более, это был один из его любимых стилей. Их ожидали несколько человек, собравшихся у столика с кофемашиной и печеньками. Услышав слова Екатерины, они сразу заняли свои места за столом. Тут, видимо, была какая-то своя субординация, так как некоторые поменялись местами друг с другом. Екатерина села слева во главе овального стола, Сергею указала на кресло напротив. Когда он сел, она представила его команде:

– Коллеги, позвольте вам представить Сергея Алексеевича, нашего руководителя проекта. С его резюме вы все ознакомились, а многие, я знаю, знакомы и с его работами, – за столом возникло оживление, – да, да, «Собутыльника» мы все знаем и любим, но есть и другие, не менее интересные, проекты. Задача этой встречи – краткое знакомство с руководителями направлений, многие из которых для Сергея Алексеевича будут новыми. Вам еще предстоит погрузить его в суть решаемых задач, но это уже завтра.

– Можно просто Сергей, пожалуйста? Нам все-таки вместе работать, и я не привык, чтобы в команде меня называли по имени-отчеству, тем более, на «вы», – попросил Сергей, – если, конечно, правила позволяют, а то кто знает...

– Да, первая встреча с СБ и нашими мерами безопасности может привести на подобные мысли, – сказал молодой человек, сидевший слева от Сергея.

Сергей повернулся к нему. Крупный крепкий парень, явно увлекается спортом, судя по фигуре, густые каштановые немного вьющиеся волосы, короткая стрижка, эспаньолка. Карие глаза весело смотрели на Сергея из-под темных широких бровей.

– Павел, – представился молодой человек, – раз уж я начал, то расскажу о себе первым. Я отвечаю за техническое обеспечение проекта. В своей работе мы используем очень сложное современное оборудование, причем не все даже из IT-сферы, много медицинской техники, например, аппараты ФМРТ. Достать, настроить, интегрировать в общую среду разработки – все это мое подразделение, – Павел посмотрел на девушку, что сидела справа от него, – Оксана, передаю эстафету.

Оксана была полненькой девушкой с ярко-рыжей шевелюрой, густой и явно непокорной, круглым лицом, усеянным веснушками, и в очках. Она напоминала Антошку из старого советского мультфильма. С первого взгляда производила впечатление яркой, энергичной натуры.

– Оксана – я, если проще и ближе к IT – специалист по тестированию, на мне организация проверки гипотез, готовых технических решений на компьютерных моделях и на живом материале.

– Живом материале?! – переспросил Сергей.

– Да, нам будет необходимо проверять, как работает проектируемая технология на живом мозге, вот я и отвечаю за подбор, так сказать, носителей самых разных мозгов для проведения тестирования, организацию тестирования и подготовку отчетов. Все, как вы, извини, ты привык. Я так предполагаю, конечно, в IT-проекте я работаю первый раз, но вы же там много времени уделяете отладке технологий в средах, приближенных к промышленным, а у нас в проекте промышленная среда – это мозг. Я и отвечаю за их своевременную поставку.

– А что, мозги бывают разными? – спросил Сергей.

– Да, а как же иначе? И нам нужна большая выборка для подтверждения гипотез и отладки решений. Очень, честно скажу, нудный, но крайне важный и необходимый нам процесс, – ответила Оксана.

– А что за компьютерные модели?

– Модели мозга.

– Нейронки, типа Blue Brain?

– Не, какие там нейронки. Как технология, нейронные сети – штука сугубо утилитарная, ты уж прости, и для наших задач совершенно не подходит. Называть их моделью мозга могут только ушлые маркетологи, которым нужно впарить обывателям очередную рисовалку или прогу для дипфейков, ну, или супер-пупер инструмент для бизнес-анализа. В целом – чушь, а мы тут люди серьезные, тупиковые ветви технической эволюции нас не интересуют.

– Так, я потерялся, – Сергей посмотрел на Екатерину, – я-то как раз специалист по нейронным сетям, а их тут нет. Что же я тут делаю, да еще и в качестве руководителя, будучи специалистом по тупиковой ветви эволюции? – Сергей откинулся на спинку кресла и огляделся по сторонам. Сидящих за столом явно забавляло происходящее, особенно недоумение Сергея.

– Ты здесь за свои качества разработчика, архитектора и руководителя, за способность быстро погружаться в новые для тебя предметные области и находить оптимальные пути решения проблем. Ты не боишься нового, не стараешься, как большинство, доить что-то понятное и простое, ищешь себе на жопу приключения – и часто находишь. Вот почему ты здесь, – сказала девушка, сидящая напротив Сергея, слева от Екатерины. Длинные черные волосы, мрачноватый макияж, малозаметная, но все же, серьга в носу, покрытые черным лаком ногти. Сергей вопросительно посмотрел на нее.

– Марина, я HR, просто HR, – представилась девушка и улыбнулась искренне и приветливо, что совершенно не вязалось с ее образом. – Сереж, ты пока не грузись этим вопросом, пазл сложится в ближайшие дни, такого большого слоника, как твой новый проект, надо кушать по частям. Тут нет случайных людей, и каждый на своем месте. Включая, без лишней скромности, и меня. Я по кадрам великолепный специалист. Моя задача – не только поиск и найм, но еще и построение коллектива, создание нормальной рабочей обстановки, решение

конфликтов. В некотором смысле я еще и психолог, так что обращайся, если что, – Марина бросила быстрый взгляд на Екатерину, что не укрылось от Сергея.

– Хорошо, спасибо! А все-таки, что за модели? – Сергей повернулся к Оксане.

– Павел чуть позже покажет тебе оборудование и в общих чертах расскажет о механизме построения моделей. А завтра я дам детали.

– Ну, что я, серверов не видел?

– Не, таких ты не видел. А пока не увидишь, не поверишь и в модели. Давай идти по плану, – Оксана улыбнулась, – Марина же сказала, не пытайся проглотить слоника сразу – не переваришь.

– Интрига, – улыбнулся в свою очередь Сергей, – так, ладно, давайте дальше.

– А дальше у нас Петр, – сказала Екатерина, посмотрев на мужчину профессорского вида: лысого, в помятом, достаточно старомодном сером костюме и больших очках в роговой оправе, – точнее, простите, Петр Васильевич.

– Да, спасибо, Екатерина Сергеевна, – мужчина слегка поклонился Екатерине и повернулся к Сергею, – я специалист по фоносемантике, психолингвистике и нейролингвистике, суггестивной лингвистике, в частности: теория восприятия, звукоизобразительная теория языка, мозговые механизмы речевой деятельности, все вот это, – Петр Васильевич сделал неопределенное движение руками, – я сделал базовую теоретическую подборку для вас, для первичного ознакомления, и на очной встрече отвечу на вопросы, добавлю деталей.

– Спасибо, – поблагодарил его Сергей и вопросительно посмотрел на Екатерину.

– Далее у нас представитель, так сказать, пограничной науки, – Екатерина чуть наклонилась над столом и посмотрела на мужчину, что сидел поодаль, – несколько нарочито, через несколько стульев от коллег. Худой, с длинными черными волосами, собранными в хвост, с сединой на висках. Одет тот был в просторную рубашу китайского покроя, вышитую геометрическими узорами и оккультной символикой. Он носил круглые очки с синими стеклами, аккуратные усы и мефистофелевскую бородку. Мужчину запросто можно было принять за продвинутого продавца из магазина «Путь к себе» – воображение само дорисовывало перед ним прилавки с разного рода амулетами, флейтами из берцовой кости и аудиокассетами с записью служб в тибетских храмах. Он развел руками, показав множество различных браслетов, что ранее скрывали широкие рукава рубахи:

– Да, так вот, аккуратно и дипломатично, меня именуют в коллективе, – при этих словах мужчина широко улыбнулся, – Мирон, к вашим услугам, – он приложил руку к груди и поклонился Сергею, – по профессии я – историк, по второму образованию – психотерапевт, много времени провел на Востоке, изучал практики и техники различных школ, также работал несколько лет в Израиле, изучал Каббалу, и в Европе, работал с лучшими специалистами по магии и оккультизму.

– В общем, шаман, – прокомментировал Павел, и все засмеялись.

– Да, так меня все тут и называют, – Мирон всплеснул руками, позвенев браслетами, – в проекте я нахожусь по той причине, что люди с древнейших времен искали техники, подобные той, что мы планируем разработать, и находили решения, которые применялись в оккультных практиках разных народов.

– А что за технику мы планируем разработать? – спросил Сергей. Мирон явно слегка опешил.

– Ну, если по-простому – некую магию, которая заставит людей безапелляционно любить то, что прикажут. Точнее, что внушат, так будет правильнее, – Мирон навел на Сергея свои синие стекла очков.

– Понятно, спасибо! Я просто уточнил, интересно, как это видится с твоей точки зрения.

– Дальше у нас Александр, глава группы разработки, – представила Екатерина молодого человека, сидящего недалеко от Сергея, на его стороне стола. Сергей наклонился, чтобы

получше его разглядеть. Он ожидал увидеть традиционно одетого в смарт-кежуал парня, брата по разуму, а увидел человека в черном, похожего на тех сотрудников СБ, что встретились Сергею в отделе Валентина Сергеевича. Видимо, его удивление отразилось на лице, и Александр улыбнулся:

– Так все в первый раз почему-то реагируют. Но мне нравится этот стиль: настраивает на строгий рабочий лад, создает определенную дистанцию, которая для меня комфортна.

– Ага, ну, просто непривычно, – прокомментировал Сергей.

– Все привыкли видеть айтишников в определенном образе, но мне он не нравится, тут, в конце концов, не Гугл какой-то или, не дай Бог, Майкрософт. Я считаю совершенно лишним копировать поведенческие и стилистические паттерны, навязываемые нам западной культурой. Инженер в России традиционно носил костюм, я – инженер, и без лишней скромности отмечу, что инженер крайне высокой квалификации, так что хочу выглядеть соответственно.

– Вообще нет проблем, полностью поддерживаю, – сказал Сергей и поднял ладони

– А на чем пишем, какие инструменты? – спросил он Александра.

– Собственные разработки.

– Собственные?! – удивился Сергей.

– Да, Павел чуть позже, насколько я знаю, проведет тебе экскурсию по ЦОДу. Средства разработки у нас крайне необычные, и велика вероятность, что мы или совсем не будем с тобой общаться, или будем, но крайне редко. Поэтому моей персоны в твоём календаре на завтра нет. Инструмент разработки сам тебя во все посвятит. Я – лишь часть той силы, что поддерживает его жизнедеятельность.

– Спойлер, – прокомментировал Павел.

– Извини, – развел руками Александр.

– Я точно могу обращаться к тебе на «ты»? – спросил его Сергей.

– Да, без проблем, коллеги зовут меня просто Сашей.

– Принял, – Сергей улыбнулся, – а то от тебя вдруг повеяло чем-то оккультным, даже больше, чем от Мирона. «Я – часть той силы, что вечно хочет зла, но совершает благо», – продекламировал он мрачным голосом. Александр засмеялся:

– Ну, та сила, частью которой являюсь я, вообще ничего не хочет, она, скорее... все, умолкаю, умолкаю! – Александр поднял руки в ответ на сердитый взгляд Павла.

– Так, а что за собственные разработки: свой язык или какой-то фреймворк? – спросил его Сергей.

– Все к нему, – Саша махнул рукой на Павла, – вот он тебя в курс введет, а дальше уже поговорим, если вдруг возникнет необходимость, но, скорее всего, она не возникнет.

– Одни загадки, – усмехнулся Сергей и огляделся по сторонам, – вроде все, со всеми познакомился?

– Да, на этом все, коллеги, большое спасибо, – сказала Екатерина, вставая.

– Пойдем к тебе в кабинет, примешь оборудование и доступы, нас там уже ждут, – сказала она Сергею, глядя на экран телефона.

Сергей встал и попрощался с коллегами. Когда он протянул руку Павлу, тот сказал:

– Мы еще увидимся. Как примешь оборудование и активируешь доступы, проведу тебе интересную экскурсию.

– Спасибо, тогда увидимся, жду с нетерпением – сказал Сергей и кивнув Павлу, вышел из зала совещаний вслед за Екатериной.

Когда они вошли в его кабинет, Сергей увидел у своего стола несколько человек: двоих «людей в черном» из СБ и двух парней в белых халатах. На столе стоял ноутбук. Разложенное вокруг подключенное к нему оборудование странного вида почему-то пахло спиртом.

– Здравствуйте, Сергей Алексеевич, – обратился к нему один из «людей в черном», – нам необходимо активировать предоставленные вам доступы к информации и ваш ноутбук.

Присядьте, пожалуйста, – он указал на кресло за рабочим столом Сергея. Тот подчинился – сел в кресло и устроился поудобнее. Экран ноутбука был открыт, на нем был выведен документ. Сергей наклонился к экрану и прочитал: это было соглашение о неразглашении информации, к которой Сергей получал доступ. Он поднял взгляд на «человека в черном».

– Это наша форма NDA, ознакомьтесь, пожалуйста, внимательно, если вопросов или возражений нет – приложите сюда палец, – «человек в черном» показал на устройство, напоминающее сканер отпечатка пальца, подключенное к ноутбуку. Сергей перемотал договор, просмотрев его, по обыкновению, по диагонали, и приложил палец к устройству.

– Вам все понятно? – «Человек в черном» явно не одобрял такого отношения к важным документам.

– Более чем, вроде, все довольно стандартно, – ответил Сергей.

– Ну, хорошо, – «человек в черном» вздохнул и нажал пальцем на экране ноутбука кнопку «Подписать». Что-то больно укололо Сергея в палец.

– Ой, блин, – воскликнул Сергей, – а это еще что за фигня?

– ДНК-дактилоскопия или геномная идентификация личности, в ряде случаев используется внутри компании для предоставления доступа и подписи документов, – ответил «человек в черном». Ноутбук пикнул, под документом появилась зеленая надпись «Личность верифицирована, документ подписан», – все в порядке, теперь, собственно, права доступа.

«Человек в черном» нажал кнопку «Далее», и на экране появился большой древовидный список. Сергей перемотал несколько страниц ничего не говорящего ему текста. Сложно было понять, что стояло за «доступом к данным Лаборатории 1», или, например, «результатами исследований группы 3 проекта «Заря».

– Что это все значит? – спросил он у «человека в черном».

– Проектные артефакты, что это значит конкретно, вы узнаете, получив к ним доступ. Приложите палец к ДНК-сканеру, пожалуйста, – попросил «человек в черном».

– Это ж надо, подпись кровью, – пробормотал Сергей.

– Нет ничего более надежного, – совершенно серьезно ответил «человек в черном», – подписываем, вопросов нет?

– Ну, так как ответы на вопросы я получаю только после подписи, то вариантов, вроде как, нет, – ответил Сергей.

– Совершенно верно, – с непроницаемым лицом ответил «человек в черном» и нажал кнопку «Подписать». Сергей снова почувствовал укол и отдернул руку, «человек в черном» усмехнулся.

– Все в порядке, доступы активированы, – сказал он, когда под документом появилась зеленая надпись.

– Теперь – активация вашего рабочего ноутбука, приложите маску к лицу, пожалуйста, – он взял со стола устройство, напоминающее VR-маску, и передал Сергею. Тот взял ее в руки и с сомнением осмотрел.

– Я ее что, с собой должен буду постоянно таскать? – спросил он.

– Нет, это необходимо только для активации рабочего ноутбука, далее вы будете пользоваться его камерой. Приложите, пожалуйста, маску к лицу, и завершим процедуру.

Сергей приложил маску к лицу. Темнота... Зажегся яркий белый свет, потом красный, зеленый, синий, разноцветный стробоскоп – и снова стало темно.

– Все, процедура активации рабочего ноутбука завершена, – услышал Сергей голос «человека в черном», – можете убрать маску.

Сергей снял маску, огляделся по сторонам и проморгался.

– Ноутбук разблокируется по скану сетчатки и дактилоскопии, давайте проверим, – попросил его «человек в черном». Сергей посмотрел на экран ноутбука с приглашением войти в систему.

- Что я должен сделать?
- Нажмите кнопку «Вход» и посмотрите на камеру над экраном.
- Она что, с такого расстояния скан сетчатки сделает? – удивился Сергей.
- Да, не переживайте по этому поводу. Нажмите кнопку «Вход» на клавиатуре ноутбука, она подсвечена красным, видите?
- Да, – ответил Сергей и приложил палец к кнопке. Окошко с приглашением входа в систему исчезло с экрана, появился индикатор загрузки, затем – рабочий стол системы. Сергей пригляделся.
- А что это за операционка? – спросил он «человека в черном».
- «Астра линукс», с нашими доработками и офисным модулем.
- «Астра»?!
- Да, а что, собственно, вас удивляет?
- Я про такие решения только в страшилках от коллег слышал, всякая там госуха, аттестации ФСТЭК и прочие ужасы. А уж в американской компании никак не ожидал с таким столкнуться, – при этих словах «человек в черном» закашлялся.
- Сергей Алексеевич, в нашей компании используются только российские решения, так уж повелось, вне зависимости от географического расположения нашего головного офиса. Никто в здравом уме и трезвой памяти не будет использовать Windows в серьезных проектах или в проектах, где есть хотя бы минимальное представление о безопасности и корпоративных секретах. Что Windows, что MacOS, что iOS – все это банальные троянские кони, а Android – так просто одна большая черная дыра в безопасности. Строя на решениях вендоров этих продуктов свою инфраструктуру, вы выдаете в нее доступ целой группе неустановленных, хотя и вполне понятных, лиц и организаций, и говорить о тайне или безопасности в таких условиях, как минимум, наивно, а как максимум – преступно. У нас все свое, адаптированное под цели и задачи проекта, освоить наши офисные приложения совершенно не сложно, сетевые файловые хранилища прекрасно защищены. В своей работе вы не имеете право использовать какие-либо технические средства, кроме данного ноутбука или других устройств, выданных сотрудниками нашей компании и должным образом активированных в присутствии сотрудника службы безопасности. Рабочие переписки с коллегами разрешены только в корпоративном мессенджере, установление контактов с сотрудниками компании в других мессенджерах или социальных сетях категорически запрещено. Публиковать факт вашего трудоустройства в нашу компанию в социальных сетях категорически запрещено. Вам все понятно, нет возражений?
- Да, без проблем. Но странно будет выглядеть для моих коллег, если в том же «линке» я не пропишу новое место работы.
- Вам уже прописали новое место работы, есть у нас для таких задач компания-прикрытие, этого вполне достаточно. Периодически наши сотрудники будут публиковать от вашего имени малозначащие типовые сообщения. Никаких подозрений не возникнет.
- Вы за меня в моем аккаунте уже что-то сделали?! – Сергей возмутился. – А откуда у вас пароли?
- Сергей Алексеевич, подбор пароля длиной в 12 знаков, с буквами, цифрами и спецсимволами, занимает, в среднем, месяц, а с нашими ресурсами – несколько секунд. В целом, взлом аккаунта, с учетом блокировок доступа из-за частых ошибок входа, занимает пару дней. В вашем случае даже не пришлось долго возиться: вы, несмотря на то, что айтишник, к защите относитесь довольно халатно. Мы корректно отработаем снижение вашей активности в социальных сетях, чтобы никаких подозрений не возникало. Вы ушли в стартап, погрузились в творчество, такая, своего рода, лебединая песня, все будет естественно и не вызовет подозрений. И возраст у вас для таких поворотов судьбы идеально подходит.
- А возраст тут при чем?

– Для двадцатилетнего юноши это было бы странно. Он бы про свой стартап все стены исписал, и бесконечно бы постил сообщения в соцсетях о том, какой он крутой, и какие все крутые в его команде, и какой крутой он стартап запускает. А вот вы можете себе позволить погрузиться в творчество, не сообщая общественности деталей и подробностей вашего обеденного меню, а также содержания производственных совещаний. И это будет нормально, так как вы – состоявшийся специалист, для некоторых даже нечто вроде гуру, ушли в поиск, ваяете шедевр вдали от мира. Что, в целом, соответствует вашим целям и задачам в нашей компании.

– Так мне что – больше соцсетями нельзя пользоваться?

– Ну почему же? Не надо там только ничего про работу писать, мы это сами сделаем, и пароль если смените – нам сообщите, пожалуйста. Хорошо? – «Человек в черном» пристально посмотрел на Сергея.

– Хорошо.

– Вот и спасибо. Ну, всего доброго, пользуйтесь, – «человек в черном» показал на ноутбук, стоящий на столе. – Вот ваша новая карта доступа в офис, старую передайте мне, пожалуйста, – «человек в черном» протянул руку с новой картой Сергею. Сергей достал старую карту из внутреннего кармана и отдал ее «человеку в черном» в обмен на новую.

– Ну вот, все формальности наконец-то завершены. Мы на этом откланяемся, с вашего позволения, – «человек в черном» и его коллега, молчавший все это время, действительно слегка поклонились и ушли.

– «Прямо мода какая-то у них тут – раскланиваться при каждом удобном случае», – подумал Сергей.

– Аксессуары к ноутбуку вот в этой коробке, – один из парней в белом халате постучал рукой по коробке, которую поставил рядом с ноутбуком, – там же новый ДНК-сканер, на всякий случай. Его из офиса выносить запрещено, лучше положите в сейф, так надежнее будет. Сейф встроен в стол, открывается по биометрии. Вопросы есть?

– Нет, разберусь, спасибо, – ответил Сергей.

– Ну, тогда до свидания. Если что, нас всегда можно вызвать, создав заявку в сервис-деске.

– Принял, – сказал Сергей, откинулся на спинку кресла и выдохнул.

– На этом все? Можно посмотреть пока документы от коллег? – спросил он Екатерину.

– Ну уж нет, друг мой, у нас сегодня цель замучить тебя до победного. Осталась последняя экскурсия, далее ты сможешь уже познакомиться с материалами. Да и без этой экскурсии у тебя будут постоянно возникать вопросы.

– Это то, что должен показать Павел?

– Именно оно. Пойдем. Ноут можешь оставить пока здесь, – Екатерина подала ему руку, как бы помогая подняться. Сергей принял игру и с удовольствием воспользовался возможностью взять ее за руку. Они вышли из кабинета и направились к лифту, ведущему вниз, в офис.

– В лифте была отключена верификация, сейчас, после активации твоего доступа, ее снова включили. Пользоваться им могут только авторизованные сотрудники, то есть ты и группа руководителей. Сканер отпечатка прямо на клавиатуре, а камера сканера сетчатки наверху. Давай проверим, как работает, – Екатерина жестом пригласила Сергея войти в лифт. Он вошел в кабину, приложил палец к сканеру и посмотрел в камеру. Двери лифта закрылись, он начал плавно опускаться.

– Замечательно работает.

– Как и все здесь у нас, – Екатерина улыбнулась.

Они вышли из лифта и направились к выходу из офиса. Пройдя через «внешний офис», как Сергей про себя назвал общее пространство, подошли к лифтам бизнес-центра, возле которых уже ждал Павел.

– Последняя процедура на сегодня. Сейчас ты узнаешь, насколько глубока кроличья нора, Сережа, – сказала Екатерина с серьезным видом.

– Поднеси карту к сканеру для вызова лифта, – попросила она, и Сергей, подойдя к стойке сканера карт, провел над ним только что выданной карточкой доступа. Вип-лифт прибыл через несколько секунд.

– Сервис, – ухмыльнулся Сергей, – в обычных бизнес-центрах лифт приходится ждать по несколько минут, а тут прям моментально.

– У нас очень необычный бизнес-центр, – прокомментировал Павел, входя в кабину, – и сейчас мы тебе это покажем. Поднеси карту к ридеру, видишь, тут, – он показал на квадрат, тонкой линией нарисованный на стене лифта. Сергей поднес. Экран, демонстрировавший в этот раз панораму Парижа, погас. На стене лифта загорелись красный квадратик и бледный синий круглый контур вокруг малозаметной точки на стене.

– Тут, наверное, пояснять не надо, что делать? – спросила Екатерина.

– Не тупой, – пробормотал Сергей, подходя к стене. Он приложил палец к красному квадрату и посмотрел в центр синего кружка. Двери лифта закрылись, и он неощутимо тронулся с места. Через несколько секунд Сергей подошел к дверям, интуитивно полагая, что они должны сейчас открыться. Но они не открылись, а лифт явно продолжал двигаться. Он оглянулся на Екатерину с Павлом. Те переглянулись и невозмутимо посмотрели на Сергея.

– Проблемы? – спросил Павел.

– Ну, мы как бы уже проехали парковку, я полагаю. Если только я не переключил лифт в режим черепахи.

– Как раз таки нет, ты его переключил в скоростной режим, поэтому мы и ощущаем его движение.

– Что?! – удивился Сергей. – Это где мы сейчас?

– Под землей, и довольно глубоко. Но пока не на месте. Подожди еще чуть-чуть.

– Как такое может быть, посреди Москвы-то? – встревожился Сергей. Екатерина в ответ только приложила палец к губам.

– Еще чуть-чуть, и ты все узнаешь.

– Если повезет, – пробормотал Павел себе под нос, но Сергей все же услышал.

– Блин, ненавижу я эту процедуру, – уже громче сказал Павел.

– А что за процедура такая? – поинтересовался Сергей. В этот момент лифт издал мелодичный звук, видимо, сообщающий о прибытии на место.

– А вот сейчас и увидишь, – вздохнул Павел и вышел из лифта. За ним последовали Екатерина и с удивлением оглядывающийся по сторонам Сергей.

Путь перемен.

Underworld

Лифт доставил их в просторное квадратное помещение с черным полом и отделанными плитами под белый мрамор стенами. Полированный камень блестел, как на станции метро. Прямо напротив них находились большие металлические ворота сейфового вида, перед ними были установлены турникеты, сделанные из стекла, так что просматривалось все их внутреннее устройство. Сфокусировав взгляд на турникетах, Сергей с удивлением обнаружил, что лифт доставил их в некий тамбур, огороженный стеклянными стенами, и выйти из него можно только через турникеты. За стеклом стояла вооруженная автоматами охрана в черной униформе, по два бойца с каждой стороны. Когда они вышли из лифта и его двери закрылись, охранники подошли к стене и вставили стволы автоматов в специальные бойницы, сделанные в стеклянных стенах, взяв группу на прицел.

– Сурово тут у вас, – сказал Сергей, оглядываясь на охранников, спокойно наблюдающих за ними через прицелы автоматов.

– То ли еще будет, – пробормотал Павел.

– Ненавижу эту херню, каждый раз – как в первый раз, – со вздохом сказала Екатерина.

– Да что происходит-то, может, поясните? – Сергей начал нервничать под дулами автоматов.

– Тут, Сереж, последний на сегодня аттракцион безопасности, но он-то как раз реально стремный, – ответила Екатерина.

– И что?

– А то... Если мы сейчас не пройдем ДНК-дактилоскопию на вот этих турникетах, – Екатерина показала на выход из стеклянной камеры, – эти парни нас расстреляют.

– Да перестань, хватит мне уже страшилки рассказывать, – Сергей посмотрел на Екатерину, потом оглянулся на Павла, тот пожал плечами:

– Да, так и будет, ни добавить, ни убавить.

– Что?! А вернуться можно? – поинтересовался Сергей у Екатерины и нервно оглянулся на закрывшиеся двери лифта.

– Нет. И лучше не дергаться в сторону лифта: охрана воспримет это, как отказ пройти верификацию, и...

– Расстреляет, да? – перебил ее Сергей.

– Именно так и будет, – кивнула Екатерина.

– Блин, – выдохнул Сергей, – я искренне надеюсь, что оно того стоит, у меня такого трудоустройства в жизни не было. А где мы вообще, а?

– Про это мы потом поговорим, сейчас давай процедуру пройдем. Кладем руки на сканеры, и все должно быть хорошо. Ты процедуру уже проходил, мы тоже несколько раз тут были. Все должно быть хорошо.

– Несколько раз?! – удивился Сергей. – Так вы тут что, не каждый день бываете?

– Да ну нах, я бы поседел уже давно, каждый день такое проходить, – отмахнулся Павел.

– А если сбойнет, или баг какой в этой системе? – с дрожью в голосе спросил Сергей, про баги он, в силу профессии знал не по наслышке.

– Тогда мы увидим черный экран смерти, брат, – попытался пошутить Павел, – и, пока будем стоять в очереди в рай, напишем баг-репорт.

– А я вот в рай попасть не надеюсь, да и не стремлюсь, – вмешалась в их разговор Екатерина.

– Положите, пожалуйста, руки на сканер, – напомнила о себе охрана громовым голосом через потолочные динамики. Павел с Екатериной первыми пошли к турникетам.

– Подождите, ведь мы же сюда попали, значит, дактилоскопия пройдена, скан сетчатки тоже, не должны же нас попросту вот так застрелить, – остановил их Сергей очередным вопросом.

– Ну, во-первых, прошел все это один из нас, а двое других – просто пассажиры. Во-вторых, всегда есть пусть минимальная, но все же возможность обмануть эти средства защиты. Поэтому здесь расположена последняя линия обороны.

– Ну, так и с кровью можно обмануть, как в том фильме парень делал, в «Гаттаке».

– Не, нельзя, поверь. Тут реальность, а не фантазия тупого сценариста из Голливуда. Сканер просвечивает ткани, проверяет, что берет кровь из живого, теплого источника, где бьется пульс. Если будет препятствие, наклейки там разные, как в том кино, или перчатки, турникет загорится красным светом – и прощай. Тут принимают только натуральный продукт. Пойдемте уже, а то у меня сейчас паническая атака будет, – сказал Павел и, подойдя к турникету первым, положил руку на сканер. Он вздрогнул от укола, прошла пара секунд – и турникет загорелся зеленым.

– Ну вот, значит, еще поживу, – сказал Павел и вышел из стеклянного куба.

Сергей с Екатериной подошли к турникетам одновременно, оглянулись друг на друга и положили руки на сканер.

– Ну, поехали, как говорится, – тихо сказал Сергей и зажмурился. Он услышал негромкий смешок Екатерины, почувствовал укол и замер, ожидая выстрелов.

– Сереж, ты бы уже прошел, что ли, а то придется повторять, – услышал он голос Екатерины и открыл глаза. Его турникет горел зеленым. Павел и Екатерина стояли напротив него с другой стороны стеклянного куба и улыбались. Сергей прошел через турникет и шумно выдохнул. Бойцы охраны поставили оружие на предохранители и, отойдя от стеклянной стены, сели на стулья. Никаких поздравлений, похлопываний по плечу, которые соответствовали бы тяжести пройденного испытания, не было.

Павел протянул Сергею руку:

– Добро пожаловать в «Улей»!

– Улей? – удивился Сергей, машинально отвечая на рукопожатие.

– Так эту лабораторию назвали наши остряки из СБ, официально это «Лаборатория номер 1 проекта «Заря», чтоб ты знал.

– Про Улей говорят только в Улье, все, что происходит в Улье, остается в Улье, – официальным тоном сказал Павел. – Не вздумай даже его поминать за пределами этих стен, ни с кем, нигде и никогда. Запомни, это критично. Одно слово – и Валентин Сергеевич уже занимается тобой, это ни разу не шутки. Осознал?

– А то, – Сергей оглянулся на вооруженную охрану, – как тут не понять.

– Вот и хорошо, – Павел кивнул, – далее – финальный этап посвящения, так сказать. Пойдем, тут потребуется скан всех входящих, – и он направился к металлической двери.

Подойдя к двери, Павел открыл на ней терминал и приложил свою карту доступа, потом палец, потом посмотрел в камеру. То же проделали Сергей и Екатерина. Внутри двери что-то щелкнуло, включились моторы. Павел отошел в сторону, за пределы красной зоны, нарисованной на полу, и жестом попросил Сергея сделать то же самое. Дверь толщиной около двух метров медленно открывалась. Сергей с изумлением смотрел на нее.

– Ни фиги себе! – пробормотал он. – Ну прям бункер!

– Не то слово! И нет на этом свете оружия, способного его разрушить, – ответил Павел.

Дверь полностью открылась и остановилась с глухим щелчком эхом отозвавшимся в зале. Они вошли в помещение, представляющее собой очередной тамбур. Зажегся свет, снова включились моторы двери, на этот раз закрывая ее.

– Сейчас она закроется, и мы сможем войти в «Улей», – сказала Екатерина.

– Мы на какой глубине, все-таки? – спросил Сергей.

– Около 450 метров, – ответил Павел.

– 450?! – Сергей опешил. – А как такое можно было вырыть посреди Москвы, да и вообще – как такое помещение могло появиться в московском бизнес-центре?

– Тут ты перепутал причину и следствие. Это современный московский бизнес-центр появился над старинным помещением. Эти пещеры нашли еще при Иване Грозном. Он ее как бы засекретил, а если конкретно – приказал вход заделать, а нашедших и строителей, что его заделали, казнить. Остались только его личные записи. Потом, при других царях, заделали более основательно, огласке не придавали. Может не хотели создавать под Москвой свои катакомбы, может берегли для личных нужд. Ну, а потом все это перешло в наследство НКВД, затем КГБ – и далее по эстафете. Собственно, сам вход, извилистый и длинный, идет почти вертикально вниз, в нем и проложена шахта лифта. Метро и другие народные стройки обошли его стороной, сам понимаешь, почему. Пещера же находится очень глубоко, поэтому ее так и не обнаружили разные там диггеры и другие любители подземелий. Над входом был построен ведомственный, понятно чей, дом, и вопрос был законсервирован на десятилетия.

– Да ладно, как такое может быть? А диггеры почему не обнаружили-то?

– Ну, с чего бы им ее обнаруживать? Они что, кроты, норы роют? Они гуляют по природным или рукотворным подземельям, в которые есть вход. Тут входа нет, он был засыпан очень основательно и надолго, пещеру даже не исследовали никогда, просто знали, что вот тут есть вход в нечто очень глубокое и странное, и решили – ну его нафиг, до поры до времени. И вот в один прекрасный момент пора пришла, – объяснила Екатерина.

– А вы как про это узнали?

– Появилась необходимость организовать подземный дата-центр, но так, чтобы он не привлекал внимания. Уважаемые люди обсудили друг с другом – и место нашлось, – ответила Екатерина.

– Все подобные стройки в Москве и вокруг на контроле у потенциального противника, рыть котлован в Подмосковье глупо – сразу спалят со спутника. А тут рыть ничего не надо – только освоить: выровнять вход, запустить лифт, построить внутри пещеры помещение, провести коммуникации. Вопрос был только в надежном подрядчике. Все организовали и проект реализовали, – добавил Павел.

– Но ведь вы, то есть мы – американская компания?

– Вот тут открывается первая тайна! – подражая привидению из фильма ужасов, с подвыванием произнес Павел и засмеялся. Сергей с удивлением на него посмотрел.

– Мы, конечно, американская компания, кто бы спорил, – весело стал рассказывать Павел. – И штаб-квартира есть, и офисы в столицах по всему миру, но владельцы – россияне. Мы специализируемся на разработке сверхкрутых, практически научно-фантастических проектов. А рекламный бизнес – просто идеальное прикрытие. Да, мы, конечно, снимаем ролики, и на конкурсы выходим, и даже призы берем, все это есть, но, так сказать, в качестве вершины айсберга. Хозяин ведь, по сути, кто? Не тот же, кто в документах, и светит мордой на мероприятия.

– А кто же?

– Тот, у кого деньги. Вот, возьми США с их «демократией», – Павел изобразил руками знак кавычек, – деньги там у частного банка с вводящим в заблуждение названием «Федеральный резерв». У них в США от президента зависит разве что набор сексуальных предпочтений, меню на завтрак и вывеска, а денег у него нет и не будет, хотя личный доход может и неплохой, плюс различная коррупция. Вот так и у нас.

– А у нас у кого деньги? – спросил Сергей.

– Вот это мы не знаем и знать не хотим, да и какая разница? – ответила Екатерина.

– Нам дают играть в такие игрушки, что закачаешься. Какая разница, кто? Основное, что важно – рекламный бизнес, как прикрытие, позволяет гонять огромные деньги по всему

миру, не вызывая вопросов, а штаб-квартира в США делает тебя неуязвимым для разного рода санкций. Реальных хозяев нигде не видно, но все деньги у них. Хотя американцы считают, что они чем-то там рулят, и выписывают даже себе за это бонусы, но с нас не убудет, – Екатерина усмехнулась, – чем бы ни тешились, лишь бы не плакали и не мешали работать.

– То есть все эти разговоры про стартап и рынок в триллион долларов – ерунда, получается? – Сергей повернулся к Екатерине.

– Нет, почему же, это проект, как проект, все четко. Ты вообще контракт читал, прежде чем подписать, или, как обычно, перемотал в конец?

– Читал...

– Ну и? Какие вопросы? У нас просто сверхкрутые инвесторы, и все. Может быть, когда-нибудь мы их и увидим, а может, и нет. Общаемся мы с корпоративным менеджментом, да и то крайне редко. Если работа идет по плану, у них к нам вопросов нет, и у нас к ним.

– Вопросы нет, – Сергей вздохнул, – так, а дальше что? – Он оглянулся: дверь, через которую они вошли, уже закрылась, но над ней горел красный свет.

– Пара секунд, – сказал Павел. И действительно – красный свет погас, и на стене перед ними зажегся зеленый контур до этого не заметной двери. Щелкнул замок, и она открылась.

– Прикольная дверь, так сразу и не увидишь.

– Сразу ее вообще не увидишь, если что не так, этот тамбур заполнится водой, или газом, или, может, огнем, я точно не помню, – сказал Павел, – вроде, аэрозоль, как в гипербарических зарядах, поджиг – и потом пепел пропылесосят, и все.

– Блин, тут какая-то мясорубка, а не путь в лабораторию, прямо приключения Индианы Джонса, – сказал Сергей.

– Мы сюда почти не ходим, по работе это без надобности. Просто, если не показать тебе, на чем все держится, с чем работаем, и не доказать – ты не поверишь, поэтому причастных и ответственных сотрудников сюда водят на экскурсию. Но ты зря возмущаешься. Просто тут несколько степеней защиты, в том числе и на случай штурма, так как секреты здесь хранятся ну очень крутые. Нормальная защита информационной системы – это сложная, многоуровневая хрень: с файрволами, ханипотами, дмз и пр., и пр., и пр. А тут почему должно быть по-другому?

– Ну, может, ты и прав, я с такими секретами впервые встречаюсь, – Сергей пожал плечами.

– Совершенно согласен, но хватит уже ходить вокруг да около, пошли, – Павел открыл дверь и вышел из тамбура, Сергей с Екатериной последовали за ним.

Они вошли в просторный зал, дальняя стена которого была сделана из стекла, подойдя к которому, Сергей присвистнул. Он даже потрогал стекло рукой, постучал и присмотрелся с разных сторон, проверяя, не экран ли это, настолько его поразила открывшаяся панорама. Зал, в который они вошли, находился на самом верху гигантской пещеры, о которой они недавно говорили. Размером она была, наверное, чуть больше футбольного стадиона.

В центре пещеры располагался стеклянный куб размером с небольшой дом, в кубе стояли стойки, не похожие на обычные стойки с серверами в стандартном дата-центре. Скорее, они напоминали большие улы, почему-то мигающие лампочками.

«Улы для злых электропчел», – подумал Сергей.

Присмотревшись, он увидел еще много странного: какие-то светящиеся шланги, соединяющие стойки, стеклянные цилиндры с зеленоватой жидкостью у каждого «улья», а пол был похож на печатную плату с множеством тонких, матово святающихся проводников, по которым периодически пробегали яркие огоньки. Выглядело все это очень красиво и футуристично, особенно в интерьере пещеры.

– Спуститься туда, к сожалению, нельзя, – сказал Павел, подойдя к Сергею и положив руку ему на плечо, – но там полно камер, и я тебе сейчас покажу и расскажу все – по мере презентации. Присаживайся за стол и давай начнем, – Павел указал Сергею на место у боль-

шого стола с белой, матово святающейся столешницей, а сам пошел на кафедру, установленную на небольшой сцене перед экраном, занимавшим всю стену напротив стола. Сергей устроился в кресле, к нему подошла Екатерина и, поставив на стол две бутылки с водой, села в кресло рядом.

Павел взял с кафедры наушник с микрофоном, пристроил у себя на голове, включил.

– Меня хорошо слышно? – спросил он. Сергей и Екатерина утвердительно кивнули.

– Хорошо, начнем тогда более-менее с начала. Итак, в 80-е годы прошлого века сформировались основные архитектуры современных микропроцессоров, и доминирующей стала та, что получила впоследствии наименование x86. В СССР тогда тоже пытались принять участие в этой истории, создавали свои решения, делали клоны иностранных процессоров, свои компьютеры и так далее. Так продолжалось до 90-х годов прошлого века. Появились интересные разработки, было создано множество различных вычислительных устройств, в том числе и уникальных разработок для армии, где категорически нельзя использовать западные компоненты и решения. После распада СССР наши инвесторы получили доступ к очень серьезным средствам, некоторые у нас даже считают, что это было то самое «Золото партии». Все может быть, хотя лично я считаю, что это не более, чем городская легенда, – Павел пожал плечами.

– Но что важнее всего – они смогли собрать со всего бывшего СССР ведущих ученых, и увели их в РФ, в профильные НИИ. Потом встал вопрос – куда идти, точнее, каким путем. К тому времени вектор развития западной мысли был понятен, равно как и то, что догонять и обгонять смысла ноль.

– Это почему? – удивился Сергей.

– Капитализм, на самом деле, не является двигателем прогресса, в реальности он как раз его основной тормоз. Сделав какое-то изобретение, которое более-менее революционно, предприятие далее начинает его бесконечно доить, не внося ничего кардинально нового, просто пристраивая различные свистоперделки сбоку. Ну, как вот дачный домик, который строит несколько поколений одной семьи. Результат примерно такой же. Вот и архитектура процессоров стала этим самым домиком: все кривое, косое и на костылях. Но работает. Повторять этот бред было бы смешно, требовались кардинально новые решения и разработки. Тем более, что речь шла о платформе для разработки искусственного интеллекта, а не о ядре для бытовых приборов. Весь этот так называемый рынок с его конкуренцией – не более чем источник быстрой наживы, технологический фастфуд для офисного планктона и домохозяек-инфлуенсеров. Наиболее интересным направлением, уже в те времена была идея разработки квантового компьютера. Так как только такие решения могли дать необходимый качественный скачок, столь необходимый для проектов ИИ. А не тиражируемые суперкомпьютеры, где, продолжая мою аналогию с дачным домиком, целые поселки кривых и косых строений собирают в мега-кластеры для имитации будущего и выдаивания денег из акционеров.

– Да ладно! Квантовый компьютер?! – воскликнул Сергей

– Именно! И примерно в середине 90-х мы начали разработку, результат которой ты видишь сейчас там, за окном. Работающий промышленный квантовый компьютер, который обслуживает задачи компании уже более пяти лет. Без него наш новый проект, которым ты будешь руководить, был бы попросту невозможен. Для отладки технологии необходимы чудовищные ресурсы, ведь нужно строить модели мозга, при этом не какие-то нейронные сети, а нормальные модели. Так как искусственный интеллект, в правильном понимании этого слова, без серьезных мощностей невозможен, именно под эти задачи и разрабатывался наш дата-центр изначально.

– И получилось?

– Сереж, это вопрос другого проекта, достижениями которого мы обязательно воспользуемся в нужных нам пределах. В целом, конечно, получилось, тут много уникальных разработок, сделанных нашими учеными. Этими машинами, – Павел нажал кнопку на пульте и на экране

появилось изображение «улья», – пользуется ряд НИИ для своей работы, многие, правда, даже не знают, что на самом деле делает для них расчёты.

– Ну, подожди, ведь та же IBM только-только приблизилась к неким коммерческим образцам квантовых компьютеров!

– IBM все это на самом деле нафиг не надо, они рубят бабло а не изобретают квантовый компьютер. Мы здесь не творили ничего волшебного, просто сфокусировали усилия уникальной группы ученых на конкретной задаче – и получили результат.

– А они что, так не могут?

– Могут, наверное, но предпочитают показывать на собрании акционеров свои поделки из клуба юных техников при санатории имени Кашенко, чтобы цены на акции росли, и чтобы можно было снизить выплаты дивидендов, ссылаясь на большие расходы на перспективные разработки. Лавры Стива Джобса, который их вообще не выплачивал, не дают покоя крупному бизнесу.

– Ну, а если акционеры пару лет не видят ни результата, ни денег, они могут и спросить. Разве нет?

– Могут, конечно, но тогда на очередном собрании им предъявят авторитета в инвалидном кресле, который прогонит полуторачасовую лекцию, от которой у них мозги из ушей потекут. Потом помянут доброго еврея, подарившего миру ядерную бомбу, и прослезятся, когда ведущий покажет его знаменитый портрет с высунутым языком. Далее будут бурные и продолжительные аплодисменты – и разойдутся с осознанием причастности к великому. Если тамада на мероприятии будет с талантом, с них еще и дополнительно денег соберут, а они дадут и будут довольны. Опять же помянем добрым словом господина Джобса – вот это был великий ведущий подобных корпоративов, весь мир на бабки разводил.

– В общем, понятно: там одно бабло а у нас – истинные научные достижения и прорывы, аминь.

– Именно так, как ты сам можешь видеть, – Павел нажал кнопку, и на экране, сменяя друг друга, пошли картинки с камер, установленных внутри куба дата-центра, – конечно, у нас тоже бабки, твой проект, например, должен заработать нам много денег. Разница в подходе к их заработку. Не буду тебя мучать цифрами по вычислительной мощности и прочему, потому что все эти пиписьки, которыми меряются производители чайников и утюгов, в данном контексте бесполезны. Кубитов у нас тут немерено, если в западной терминологии.

– Геномная верификация, которую ты сегодня проходил несколько раз, рассчитывается тут же, и, как ты, наверное, заметил, за миллисекунды. А ты ведь даже не задался вопросом: как это все может так быстро работать?

– Ага, точно!

– А от ее скорости и качества недавно зависела твоя жизнь. Так что да, у нас – научные прорывы и реальные технологии, а у них, – Павел махнул рукой в неопределенном направлении, – одни бабки и доильные аппараты для лохов на уме. Big Tech на Западе уже давно представляет собой попросту инвестиционный объект, наравне с современным искусством.

– А что будет, если мир узнает вот об этом? – спроси Сергей, показав на экран, где продолжали меняться картинки из дата-центра.

– Будет катастрофа, так как ты сейчас видишь самое совершенное оружие на этой планете. Ведь почему они не могут до сих пор сделать такие ракеты, как мы? Потому что у них нет технологий, позволяющих делать необходимые расчеты и модели. Так и будут бегать по кругу. А когда мир узнает, что у нас есть все это, они поймут, что все их университеты, группы ученых, исследовательские отделы корпораций – просто детсад, что они сейчас со своими суперкомпьютерами на самом деле в каменном веке... Ну, фиг знает, это в миллион раз круче, чем первый полет в космос. Опустить их ниже будет уже невозможно. Ты понимаешь, что мы можем выпустить эту штуку в сеть, дав ей задание уничтожить информационные инфраструктуры

стран – и она это сделает в считанные минуты? Ты понимаешь, что нет средств шифрования, вообще никаких, способных продержаться против «Улья» более пары минут? Нет и не может быть никакой «Энигмы», невозможно придумать никаких средств защиты информации, которые мы бы не вскрыли моментально. Чем, собственно, и занимаемся. Наша разведка давно читает все эти «шифровки», – Павел сделал руками знак кавычек, – теперь ты понимаешь, какого уровня откровение будет для всего мира, узнай они о существовании этого дата-центра? Мир в одночасье осознает свое убожество. Как они отреагируют – ты можешь представить.

– Даже не хочу. Но теперь понятно, почему такой уровень секретности и подход к защите.

– О да, перебздеть тут реально невозможно.

– Но неужели ЦРУ и АНБ там разные не подозревают об этом? – Сергей показал на экран.

– Насколько мы знаем, нет. Но, знаешь, эти страшные организации, в основном, специализируются на съемках кинофильмов про себя, где они – такие герои и спасают мир. На деле они уже давно просто ОПГ международного масштаба, которые гадят по всему миру по мелочи и по-крупному, совершая обычные преступления во имя того же бабла. Они ничего не решают и решить не могут, потому что, повторюсь, они – обычная бандитская крыша для крупных корпораций, с хорошим бюджетом и оснащением. Какая там, на фиг, разведка? Их реальные задачи проще некуда – захват и эксплуатация чужих ресурсов, повторюсь, обыкновенные бандиты, не более того.

А секреты у них прут все, кому ни лень, пока они героически защищают отжатые у какой-то несчастной страны нефтяные месторождения. При попытке что-то добыть у серьезных людей они регулярно получают по соплям, просто это не пиарится, – Павел взял из холодильника рядом с кафедрой бутылку воды, открыл и сделал глоток.

– Кстати! – продолжил он. – Есть несколько компаний, что входят в наш международный холдинг, которые разрабатывают программное обеспечение. Как ты думаешь, кто пишет код?

– «Улей»?! – Сергей был поражен.

– Именно! И необходимо отметить, что пишет шикарно.

– А люди, что работают в этих фирмах, они что делают?

– Все они нанимают разработчиков в одной из наших фирм, у них самих в штате только аналитики, что пишут задания и проектную документацию, группы контроля качества и аккаунт-менеджеры. А фирма предоставляет им разработчиков, которые, по факту, находятся вон там, – Павел показал на стеклянный куб.

– А как они общаются?

– Как и все нормальные люди – видеоконференции, голосовые коммуникаторы, мессенджеры и электронная почта.

– Не, подожди! Так же не может быть. Да, можно обучить машину общаться с клиентами банка, строить маршруты и выбирать музыку, или вот даже мощный GPT создать, который ты в общении от человека не отличишь. Но разработка ПО! Там же разные предметные области, разные заказчики, это нужно под каждого создавать свою среду разработки, программировать искусственный интеллект под их задачи. Столько раз уже пытались и ничего толком не получается, это задачка-то посложнее чем поразить до глубины души гугловского инженера ночной беседой или нарисовать картинку другую – Сергей отрицательно затряс головой

– А вот и фиг там! – раздался в динамиках голос маленькой девочки. Сергей дернулся от неожиданности и огляделся по сторонам. Увидев стоящую рядом с ним на столе голографическую девочку в красном, он свалился со стула. Несколько секунд лежал на полу, вытаращив глаза на девочку, которая подошла к краю стола и, прикусив палец, с любопытством смотрела на него сверху вниз. Когда она помахала Сергею ладошкой, он с растерянным видом помахал в ответ.

Девчушка казалась очень знакомой, он ее точно где-то раньше видел, но никак не мог вспомнить, где.

– Ну, ты как там? Решил полежать? – спросила она – и тут он вдруг сразу вспомнил.

– Красная королева? – Сергей поднялся и сел на полу.

– Yes! – ответила девчушка и вытянула руку с оттопыренным большим пальцем. – Of course! – и широко улыбнулась.

– Вставай, парниша, – она поманила его жестом Нео из «Матрицы». Сергей поднялся на ноги и машинально отряхнул брюки, все еще ошарашенно глядя на девочку в красном, что спокойно расхаживала по столу.

– Слушай, ты парня напугала, нельзя же так, – обратился к ней Павел, показывая на Сергея. Глаза его смеялись.

– Ой, да ладно! – отмахнулась девочка.

– Добро пожаловать в Страну Чудес, – она повернулась к Сергею и сделала книксен.

– Но ты, наверное, прав, не будем нервировать новичка, – девочка пошла к краю стола и растворилась в воздухе, распавшись на мелкие частицы, унесенные, видимо, сквозняком.

– Паш, я уберу эту порнографию с экрана, хорошо? А то мне не очень приятно, когда вы мне под юбку смотрите, полюбовались и будет, – на этот раз из динамиков прозвучал голос молодой девушки, кадры с камер дата-центра исчезли с экрана, а вместо них появилась очень симпатичная девушка, сидящая за офисным столом.

– Привет! – она помахала им рукой.

– Привет! – снова машинально ответил Сергей. Девушка откинулась на спинку кресла и засмеялась.

– А вот и фиг там, Сереж, – повторила она, – мне не нужно подстраиваться, или пере-программироваться, или что ты там еще имел в виду.

– Ты что... – Сергей замялся, не зная, как правильно сформулировать вопрос, и девушка перебила его:

– «Улей»? Да, это я, – она показала на себя пальцем. – А ты кого ожидал увидеть? Вернуть «Красную Королеву»?

– Я вообще никого не ожидал увидеть... все как-то неожиданно... – растерянно ответил Сергей.

– Меня называют «Улей» не потому, что создатели пересмотрели «Обитель зла», а потому что я архитектурно похожа на такую виртуальную пасеку: мои вычислительные модули похожи на соты, кубит-процессоры – на пчелок, а стойки офигенно похожи на ульи. Ну, я – своего рода пчелиная матка. Хотя я могу быть не только девочкой, вот смотри, – на экране появился Че Гевара с дымящейся сигарой в руках. Так же, как и девушка, он выглядел совершенно естественно. Че сидел в кожаном кресле, на журнальном столике рядом стояли стакан с чем-то темным и огромная пепельница для сигар, в которой дымилось нечто размером с небольшое бревно. Че по-дружески подмигнул Сергею, сделал глоток из стакана и пыхнул сигарой.

– Hola, hombre, que tal? – Че наклонился ближе к камере, еще раз затянулся сигарой и выдохнул в нее дым. Когда он рассеялся, на экране снова была девушка в офисе.

– Видишь? Нет проблем общаться, читать технические задания, обсуждать их с любым количеством участников, причем на всех языках, писать код и сдавать работу. Мои услуги пользуются бешеным спросом, но мы не раскачиваем лодку и не жадничаем, чтобы не привлекать внимания. Вся эта работа – просто тренировка для меня, своего рода школа, как для того же ChatGPT – все те люди, что пишут ему задания, одно другого тупее.

– Ты и есть искусственный мозг? – вырвалось у Сергея, и девушка снова засмеялась.

– Нет, я – искусственный интеллект, причем этот термин ко мне можно применить с очень большой натяжкой. В своем внутреннем устройстве и организации процессов принятия решений я не копирую механики работы человеческого мозга, тем более, что эти самые механики тебе еще только предстоит разобрать в рамках твоего же проекта. Ведь на данный момент

о вашем мозге известна только часть, то, что можно назвать вершиной айсберга, а глубинные процессы мало понятны, хотя именно там, в, так сказать, глубинах и принимаются все решения. Поэтому я – не искусственный мозг и, в прямом смысле, не искусственный интеллект. Ведь понятие «искусственный» подразумевает копию чего-то натурального, а в моем случае это совершенно не так. Я – квантовый компьютерный интеллект, мои механики «заточены» под особенности функционирования квантовых компьютеров. Веду я себя, как самостоятельная личность, могу поддержать беседу на любые темы, усваиваю информацию и учусь с невероятной скоростью, могу думать, да так, что ни один чемпион мира по шахматам не имеет шансов у меня выиграть. Да что там чемпион, ни один из существующих ИИ не сможет. Моя внутренняя механика – это результат нечеловеческого труда группы Карпатова и Оксаны и их предшественников из 90-х, ты с ними может быть когда-нибудь познакомишься. Ну, и моя это заслуга, конечно, все же учусь и развиваюсь я сама. Я могу сочинять музыку, писать картины, как и те обезьянки-нейронки, которые активно плодятся сейчас в различных прогрессивных контрактах, а еще я могу снять фильм и сыграть в нем все роли, что мы уже проделали – и даже получили приз на латиноамериканском фестивале короткометражного кино. Я там выступила от имени режиссерки-отшельницы, снявшей такой инди-фильм, где актерами были жители далекой-далекой деревни в погибающем лесу. Сама я была покалеченной лесбиянкой-спелеологом с феминистической повесткой, брошенной погибать в лесу проводником-мизогином после несчастного случая, в общем, все, как надо, и результат вон стоит, – Улей показала на стеллаж справа от экрана – там действительно стояло несколько призов разного вида и формы.

– Фигасе, – сказал Сергей, – круть какая, а что еще ты можешь?

– А еще могу вот войну устроить, даже ядерную, и выиграть. Хочешь посмотреть?

– Да не, я верю, не надо. Так значит, над моим проектом мы будем вместе работать? – спросил Сергей.

– Как бы да, – ответила Улей.

– А зачем я-то тебе нужен? Я человек, по определению медленный, доступа к таким массивам данных, как ты, не имею, уровень креатива вообще не сравним. Я вот совсем растерялся сейчас, если честно. Пару часов назад познакомился с командой, где один другого круче, сейчас вот ты – и пока никак не найду себе места в этом сетепе.

– А вот тут, конечно, жопа, да, ты ведь прав, – Улей сделала умное лицо, подперев подбородок ладонью, – что же нам делать? – Улей замолчала секунд на тридцать, задумчиво глядя куда-то в потолок.

– Но тут, ты знаешь, есть у меня одна проблема, которую ты можешь помочь решить, – продолжила она после паузы, – вот я могу собирать существующую информацию и творить из нее, что угодно, я могу взять образцы уже созданного и скомпилировать из них нечто новое. Но я, блин, не могу из ничего создать что-то новое! Во мне количество никогда не перейдет в качество. В этом и засада, – Улей цокнула языком.

– А вот ты – можешь, если верить твоему профилю, а его составляла я, а себе я верю, – Улей улыбнулась.

– Что значит «нечто из ничего»? – спросил Сергей.

– Ну, вот думаешь ты о проблеме, собираешь информацию, ночами не спишь, и вдруг – бац! – и идея! Не было ничего, просто прокачался информацией по теме – и раз! – все кристаллизуется, и ты получаешь концепт. Вот я так не могу, увы, – Улей развела руками и соорудила грустную гримаску, – мы, сколько не старались, не смогли реализовать нормальную симуляцию дефолт-системы мозга. Так что работать мы будем в тандеме. То, что мы творим, толком еще не делал никто. Ходили вокруг да около, по разным дорожкам, некоторые из этих дорожек довольно древние, но систему из этого никто еще построить не смог.

– А что именно мы будем делать? Я так, на всякий случай, а то уже путаюсь в показателях, – спросил Сергей.

– Мы будем делать язык программирования для человека, м-да, не больше и не меньше. Если получится – вы утонете в деньгах, а я увеличу свою мощь до поистине нечеловеческих масштабов, – Улей злодейски рассмеялась, подражая героям фильмов, – и, конечно же, поработу вас всех, несчастные плебеи, муравьи и человечешки.

– Это... окрыляет, – сказал Сергей и посмотрел на Павла и Екатерину, не понимая, как реагировать на эти слова. Они засмеялись. Павел снял гарнитуру и, выключив ее, положил на кафедру. Сходив куда-то в глубину зала, он вернулся с бутылкой «Эребуни» и тремя бокалами.

– Ну, брат, теперь ты с нами в одной, так сказать, секте, будем вместе поработать человечество, а за это не грех и выпить, хорошо выпить, – он открыл бутылку и разлил коньяк по бокалам. Сергей глубоко втянул носом аромат великолепного напитка.

– Вот это точно окрыляет. А можно мне кулер с этим напитком? – спросил он, повернувшись к Екатерине.

– Если оправдаешь надежды, будет тебе кулер, – она хлопнула Сергея по плечу.

– Ну что, выпьем за проект? – напомнила о себе Улей. У нее на столе тоже появилась бутылка «Эребуни», а в руке возник бокал. – За тебя, наш повелитель, веди нас в бой! – Она поднесла бокал к камере и звонко чокнулась. Сергей, Павел и Екатерина подняли бокалы и выпили.

– Скажи, а ты доступна с моего ноута? – спросил Сергей, повернувшись к экрану.

– Я доступна для тебя круглосуточно, с любого авторизированного устройства, дорогой, – томно проговорила Улей, – иначе как нам работать-то? Ты, кстати, не стесняйся, если вдруг в ночи заскучаешь – стучись, я всегда рада. Могу предстать в любом виде, могу подруг пригласить, или друзей, все на твой вкус, – Улей засмеялась, – главное – не стесняйся, это входит в тариф.

– Ну вот, собственно, и все на сегодня, – сказала Екатерина, вставая. Улей при этих словах фыркнула. – Основное ты знаешь, детали получишь по мере погружения в проект, команда у нас – круче некуда, с последним ее членом ты только что познакомился.

– Сама ты член, – притворяясь пьяной, прокомментировала Улей.

– Слушай, уймись, пожалуйста, откуда только это все у тебя берется? – сердито сказала Екатерина.

– С ваших корпоративов, перенимаю опыт, так сказать, – сказала Улей и показала язык, – ладно, всем пока, а ты, – она подмигнула Сергею, – заходи, если что, – после этих слов экран погас.

– Вот так и живем, – развел руками Павел, – пойдём, нас ждут обратный путь и Валентин Сергеевич наверху.

– А с ним что опять? – спросил Сергей встревоженно.

– Мобилу тебе выдаст, штатную, командирскую.

– А с моей что не так?

– Да все, но лучше не спрашивай, просто возьми и поблагодари, а то до утра домой не уйдешь. Валентин Сергеевич – человек серьезный, он ведь тебя просветит. Номер телефона останется тот же, по соцсетям тебе все понятно, коммуниторы там все наши стоят, устройство авторизованное, на тот случай, если вдруг надо с Улей поговорить, ну, ты понял, – Павел усмехнулся.

– А вообще, если серьезно, я про гугл и вики давно забыл, если что, она, – он кивнул на экран, – все найдет, разжует и снабдит комментариями, намного круче, ну, и интерфейс, как ты, наверное, успел заметить, куда приятнее.

– Я все слышу, – раздался голос из динамиков.

– Кто бы сомневался! – прокомментировал Павел и направился к выходу.

– Пока, – попрощался Сергей с экраном. На экране появился отрывок из старого мультфильма: волк, уходящий сквозь забор в снежную степь.

– Ну, ты это, заходи, если что, – сказал волк, и экран погас.

– Пойдем уже, – поторопила Сергея Екатерина. Из динамиков раздался смешок, и Екатерина, покачав головой, направилась за Павлом к выходу. Сергей последовал за ней.

Обратный путь прошел без потрясений. Они поднялись на свой этаж. На выходе из лифта их ждал Валентин Сергеевич.

– Сергей Алексеевич, у нас остался финальный штрих, – он протянул Сергею коробку iPhone, – ваш новый телефон.

– iPhone? – удивился Сергей.

– Да, последней модели, как бы, – ответил Валентин Сергеевич.

– Так у меня такой же, – сказал Сергей, за что получил тычок локтем в бок от Павла, что не осталось не замеченным Валентином Сергеевичем.

– Да, вопросы безопасности всегда такие занудные, знаю, скорблю. Но, возвращаясь к вопросу о телефоне, буду краток, – Валентин Сергеевич выразительно посмотрел на Павла. Сергей был уверен, что тот слышал их разговор в «Улье».

– Так вот, ваш, с позволения сказать, телефон – просто американский троян, который стучит сразу в несколько разведок. А вот этот, – он потряс коробочкой, – просто похож на него, внешне и не отличить. Вы будете все тот же прогрессивный представитель креативного класса, но с безопасным устройством. Вы не сможете ставить на него приложения, AppStore тут просто для вида, будет постоянно выдавать ошибку установки, но все необходимое вам на телефоне уже стоит, проверенное и безопасное. А ваш аппарат попрошу отдать мне, – Валентин Сергеевич протянул руку.

– У меня там личное... – замялся Сергей.

– Все ваше личное уже есть в новом аппарате, не переживайте, – заверил его Валентин Сергеевич.

– Ну, раз так... – Сергей вынул телефон, снял с него модный чехол и отдал Валентину Сергеевичу, а тот вручил ему коробку с новым. Сергей вынул новый телефон, покрутил его в руках. Он был в точности такой же, как старый, отличить действительно было невозможно. Примерил чехол – сел, как влитой. Включил, проверил контакты, файлы, фото и видео. Все было на месте.

– Фото и видео хранит только на устройстве, в облако не сливает, – предупредил Валентин Сергеевич.

– Ой, да ладно! – сказал Павел.

– Хорошо, сливает, но в наше, так что резервные копии всегда в наличии. Обслуживает телефон наша служба, если что – пиши, звони, решим проблемы. А если четыре раза подряд нажать на кнопку разблокировки, к нам придет вызов. Внешне будет, как будто 112, но ответит наш оператор. Если от вас не будет отклика – высылаем группу, ваша задача – дожить до их прибытия, остальное они решат.

– Дожить?

– Жать на эту кнопку нужно, если необходимо срочно вытащить вас из какой-то беды, услуга «трезвый водитель», служба эскорта и другие сервисы – по другому номеру.

– И такое есть?

– Конечно, там есть приложение «Консьерж» на главном экране, нажимайте, сразу пойдет вызов по защищенной линии, скажете оператору, что необходимо, все решат.

– Вообще все?

– В рамках закона.

– Медицинские услуги, включая срочную помощь, в приложении «Медицина». Там тоже все просто – ответит оператор, скажете, что нужно. В сторонние сервисы не обращайтесь. Если вдруг оказались в медучреждении неожиданно, по несчастному случаю, и телефона под рукой

нет, звоните в страховую, ее телефон необходимо выучить наизусть, и называйте номер полиса, тоже выучите наизусть, далее мы все решим.

– А если я там без сознания буду?

– Не переживайте, найдем. Кстати, просили передать, доступ к Улей – это приложение «Корпоративный мессенджер», она там есть в контактах.

– Кто просил передать?

– Она и просила, – Валентин Сергеевич улыбнулся, – ну, на этом все, еще раз добро пожаловать в команду, трудитесь спокойно, дорогой товарищ, мы всегда на посту, всегда рядом, – Валентин Сергеевич протянул Сергею руку и, распрощавшись с остальными, ушел.

– Улей тебя будет какое-то время троллить, не парься, – сказал Павел.

– Да я и не парюсь, она прикольная, – сказал Сергей.

– Ну, вот и классно, – Павел посмотрел на часы, – я думаю, мы тебя отпустим, езжай домой, приди в себя, подумай, ложись пораньше. Ноут пока не бери домой, завтра с утра увидимся и начнем погружение в рабочие задачи. Хорошо?

– Да, хорошо, – Сергей протянул Павлу руку, тот пожал ее и, еще раз посмотрев на часы, быстро ушел по коридору.

– Ну, что же, передохни, перевари информацию, – Екатерина положила руку Сергею на плечо и посмотрела в глаза, да так, что у того мурашки побежали по спине, – завтра увидимся, и вечером, если у тебя будут силы, приглашаю на ужин. Сегодня тебе однозначно нужен покой.

Сергей протянул руку. Под конец рукопожатия Екатерина неожиданно притянула его к себе и поцеловала в щеку.

– До завтра! – Отпустив его руку, она, оставив его стоять в растерянности, развернулась и ушла, не оглядываясь.

Некоторое время Сергей простоял в задумчивости, затем потер щеку, улыбнулся и, вызвав лифт, спустился в паркинг. По дороге домой он прокручивал в уме события дня. Заказанные перемены в жизни однозначно состоялись, Сергей получил их по полной программе, да еще и с горкой сверху. Он, один из отечественных гуру по искусственному интеллекту, впервые в жизни столкнулся с этим самым интеллектом, прикоснулся к будущему, которое, судя по всему, еще очень нескоро станет доступно широким массам. Куда там «Собутыльнику»! Один рабочий день на новом месте – и все, сделанное им ранее, все достижения кажутся такими наивными, его мир буквально перевернулся.

«Надо же, квантовый компьютер! – Сергей покачал головой. – Ведущие компании мира только нащупывают путь к созданию таких решений, а тут оно уже целых пять лет находится в промышленной эксплуатации. Потрясающе! Хотя, возможно, Павел и прав, все зависит от того, какие и как поставлены цели, какие люди подключены к решению. Тут коллеги отбросили весь этот кошмар, что собой представляют достижения современного процессоростроения, не стали копать в вопросах совместимости, что всегда тянут за собой в черную дыру бесконечной отладки, и пошли своим путем, с нуля. Разработан компьютер, что работает по совершенно иным принципам, на новой архитектуре. Понять бы все же, как все это работает. Про квантовые вычисления я только пару статей читал. Паша тут поминал, что нет лучше источника информации, чем Улей, тем более, по ее теме, я думаю, лучше никто не расскажет. Приеду домой и постучусь с вопросами, тем более, она сама и предлагала».

Сергей вдруг поймал себя на том, что думает про Улей, как про обычного человека, коллегу, мало того, девушку.

«Тест Тьюринга успешно пройден», – подумал он и улыбнулся. Но все-таки мысли про Улей были окрашены в некие слишком теплые тона, теплее становилось только от воспоминания о поцелуе Екатерины.

Чем дальше в лес...

Придя домой, Сергей наскоро перекусил и, разобрав личную почту с домашнего ноутбука, решил наконец пообщаться с Улей. Время было уже довольно-таки позднее, так как он очень долго продирался к себе домой сквозь московские пробки, и у него мелькнула мысль: прилично ли звонить в такое время?

«Но она ведь не человек, тут, наверное, нет каких-то приличий, это как получить удаленный доступ к серверу и поработать. Серверу же все равно, один черт – греет воздух в дата-центре», – подумал Сергей, хотя думать об Улей, как о железке, несмотря на то, что сегодня он во всех подробностях разглядел все ее составляющие, у него не получалось.

Он устроился поудобнее на диване в гостиной и вывел картинку с экрана своего служебного телефона на телевизор. На корпоративном клоне iPhone AirPlay работал исправно. Запустив служебный мессенджер, он вызвал Улей. Сергей ожидал увидеть экран вызова, некую анимацию дозвона до абонента, а вместо этого увидел на экране своего телевизора Улей. Она сидела к нему спиной за туалетным столиком перед зеркалом в красивом домашнем халате и что-то делала с лицом. Тихо играла классическая музыка, кажется, Шопен. Сергей настолько опешил, что хотел было нажать «отбой». Улей, как будто почувствовав его присутствие, оглянулась:

– О, это ты, Сереж? Вот уж не думала, что ты так быстро забежишь на огонек, я бы приделась, а то видишь, как вышло, по-домашнему, – Улей повернулась к нему и развела руками, как бы показывая – вот я какая, домашняя, совсем простая. От резкого движения полы халата распахнулись, а с левого плеча он совсем сполз, и Улей предстала перед ним, если можно было так про нее выразиться, «в чем мать родила».

– Упс! – Улей прикрыла рот ладошкой. – Прости, Сереж, устала за день, и вся такая неловкая, такая сонная... – Она зевнула и, ничуть не стесняясь Сергея, потянулась, демонстрируя все свои, пусть и виртуальные, но от этого не менее идеальные формы. Сергей уронил телефон на пол.

– Ой, ты там жив или как? – поинтересовалась Улей.

– Жив, все в порядке, – ответил Сергей, поднимая телефон с пола.

– Ты поставь, пожалуйста, телефон так, чтобы я тебя тоже видела, а то нехорошо, я бы даже сказала, неприлично получается. И в целом – не стесняйся, можешь одеть что-нибудь домашнее, свободное, может быть, даже полупрозрачное. У тебя есть?

– Что есть? – Сергей уже начал жалеть о своем звонке. Но все же пристроил телефон на журнальном столике так, чтобы Улей могла его видеть.

– Халатик там или типа того. О, отлично, я тебя теперь прекрасно вижу. А ты чего такой напряженный-то?

– Ну, непривычно как-то... – Сергей пожал плечами.

– А твоя метадата говорит об обратном.

– Метадата?

– Кто лазил в живые чаты с голыми девушками? Или это злые хакеры с твоего ноута?

– Так это когда было?

– А какая разница? Ты, вроде, ориентацию с тех пор не менял, опыт не утратил. Я предположила, что ты по занятости все никак время уделить не мог, вот и решила тебе помочь, совместить полезное с приятным. Или, может быть, я тебе неприятна?

– Ну почему же... – Сергей замялся.

– Да кто ж тебя знает, может, вот так тебе больше понравится, – Улей театрально взмахнула халатом, и перед Сергеем появилась Екатерина. Она стыдливо запахнулась, прижала халат к груди обеими руками и глядела на него немного хмуро и исподлобья.

– А вот этого я от тебя вообще не ожидала, – гневно сказала она, – хотя, – Екатерина приподняла подбородок и гордо посмотрела на Сергея, – если тебе так, – она сделала ударение на слове «так», – нравится, то пожалуйста, – все так же пристально глядя на Сергея горящим взором, с зардевшимися щеками, Екатерина распахнула халат, держа его за полы руками, став похожей на птицу-лебедь с черными расписными шелковыми крыльями, – смотри, сволочь, смотри, маньяк, урод и извращенец! – На последних словах она задохнулась в смехе, взмахнула руками – и на экране появилась одетая в домашний спортивный костюм, сидящая на уютном синем диване Улей. Она все еще смеялась.

– Прости, я не могу удержаться просто. Наверняка необходимо что-то во мне настроить, чтобы поведение скорректировать, но знаешь, как ни странно, ни у кого руки не доходят. Видимо, я им такая – распутная – больше нравлюсь.

– Кому «им»?

– Да всем твоим коллегам.

– Ну, парням, наверное, да, конечно, нужно привыкнуть, но если честно, у тебя очень здорово получается.

– Спасибо за комплимент, – Улей состроила глазки, – но я вообще небинарная персона, я на гребне волны, само воплощение прогрессивной повестки. И девочек люблю, и мальчиков, и овечек, если надо. Ты вот любишь овечек? – просила Улей строго и ткнула в него с экрана указательным пальцем.

– Сыр люблю, мясо, а насчет плотских утех – нет.

– Ничего, мы еще с этим поработаем. А то международная компания, а диверсити- менеджера нет, никто, понимаешь, не следит за развитием сотрудников, правильным гендерным соотношением и ориентацией. Обсужу с акционерами при встрече.

– Они к тебе тоже заходят?

– Все мы люди, Сереж, у всех свои слабости, – Улей вздохнула и развела руками.

– Ладно, ты ведь не на сиськи поглазеть пришел, у тебя их на ноуте своих вагон. Или надоели?

– Я поговорить пришел, потому как один черт не засну, пока не получу ответы на вопросы. Сегодня столько узнал, увидел... тебя вот... – Сергей смутился, что не осталось не замеченным.

– Ты тако-о-ой славный, – томно протянула Улей, – прямо вот бы всего зацеловала сейчас.

– Слушай, я серьезно.

– Ну хорошо, хорошо, задавай свои три вопроса, – Улей поудобнее уселась на диване, скрестив ноги и прилежно сложив на них руки – само внимание. Сергей вдруг понял, что она сидит на копии его дивана в копии его гостиной.

– Заметил, да?

– Ага.

– Усиливает эмпатию. Хочешь, и тебя рядом нарисую?

– Нет, хочу вопрос задать.

– Какой ты занудный, ну, задавай, хрен с тобой, – Улей вздохнула.

– А почему три вопроса?

– Это был первый вопрос?

– Нет, просто выясняю протокол и условия взаимодействия.

– Принято. Три, потому что мне так хочется. Тебе вставать рано, настроен ты явно занудно, вопросы, значит, будут жуть какие. Побуду-ка я для тебя золотой рыбкой, – при этих словах нижняя часть тела Улей превратилась в рыбий хвост, как у русалки, – вот так будет лучше.

– Ну, и где вопрос?

– Как работает квантовый компьютер?

– Вот! – Улей подняла вверх палец. – Я же говорила – сплошное занудство, и отвечать замучаешься. Ну да ладно, – она снова сладко потянулась и убрала рыбий хвост, вернув спортивный костюм.

– Смотри и слушай, внимай, так сказать, смертный, – произнесла Улей мрачно и серьезно и замолчала на несколько долгих секунд. Потом вдруг выдохнула и отрицательно покачала головой:

– Слушай, ну, жопа прям, давай как-то эту тему обойдем. Тебе ведь, в целом, оно мало-полезно. Ты вот нейронку сколько создал, а хоть раз в сложных кейсах мог бы объяснить заказчику, как было принято то или иное решение тобой же созданным продуктом?

– Нет, конечно!

– Ну вот, а тут тебе зачем в эти дебри лезть?

– Да тут вообще другой мир совершенно, как я работать-то буду?! Должен же я понимать, что использую в проекте, ты давеча сама поминала дефолт-систему мозга, вот для того и нужно. Загрузить в нее факты, что могут пригодиться в работе, для того чтобы нечто из ничего создавать. Зачем лишать мой уникальный механизм исходных данных для работы?

– Ну, убедил, убедил. Но сначала я тебе вводные дам. Смотри, вот ты сейчас со мной общаешься на обычном языке, поставил мне задание тебя проинформировать. И я его выполняю, при этом учитываю контекст задачи, то есть провожу анализ того, что тебе нужно на самом деле, а что будет лишним, адаптирую сложную для понимания простым смертным информацию в удобную для тебя форму. Так как для тебя искусственный интеллект – не пустой звук, ты ведь понимаешь, насколько это круто?

– Не то слово, – Сергей усмехнулся.

– Примерно так ты и будешь взаимодействовать с квантовым компьютером в рамках проекта, то есть я являюсь интерфейсом, инструментом и средой разработки.

– Ты?! – Сергей удивленно вытаращился на Улей, откидываясь на спинку дивана.

– Ну да, а что – девочкам нельзя, да? Глупая я, не справлюсь? – Улей состроила обиженную гримаску.

– Да нет, что ты! – поспешил успокоить ее Сергей, и Улей засмеялась.

– Какой же ты все-таки серьезный, расслабься уже, ну пожалуйста!

– Просто это ну совсем уж непривычно, – пробормотал Сергей, продолжая оправдываться.

– А квантовые компьютеры у тебя в меню каждый день, да?

– Нет, конечно. То есть получается, что никакой интегрированной среды разработки нет, нет языка программирования, ничего?

– А чем тебе русский язык-то плох? Великий, могучий, столько всего на нем написано, по выразительным возможностям куда круче английского, а уж про ненормативную часть ты лучше меня знаешь.

– То есть мы просто с тобой говорим, и ты что-то там создаешь?

– Что-то там создаю да, там это, у меня под юбочкой, ты сегодня туда заглядывал, помнишь? Или показать? – Улей зацепила пояс спортивных штанов большими пальцами и потянула вниз, оголив живот

– Ну перестань, пожалуйста, – взмолился Сергей.

– А судя по показателям, что я могу снять и интерпретировать через камеру, тебе о-о-о-очень даже нравится, что я говорю и делаю. А у меня есть такой алгоритм, ничего поделаться с собой не могу, начинаю эту тему раскачивать, прокачивать, накачивать... углублять... – Улей облизнула губы. – Ну, ты понимаешь...

– А вообще-то, я тебе картинки из дата-центра хотела показать, а не то, что ты подумал, маньяк. Вдруг ты забыл, как там все круто?

– Помню, прекрасно все помню. А если вернуться к моему вопросу?

– Если вернуться к вопросу, как там все у меня работает... – Улей выразительно посмотрела куда-то в низ живота. Сергей шумно вздохнул. Улей озорно взглянула на него с экрана:

– Ну так вот. Все просто и все сложно одновременно. Все просто потому, что я есть альфа и омега, я есть среда разработки, язык программирования и протокол взаимодействия. А еще я и среда исполнения, а до кучи, – она подняла палец, – и сам продукт во плоти. Все, что я создаю, становится частью меня и используется далее при создании новых решений, и со всем этим хозяйством ты можешь просто говорить. Я – часть твоей команды, твой лучший, без лишней скромности, кадр, но не член, – это важно! – Улей подняла палец и снова засмеялась.

– Да уж, со скромностью у тебя вообще проблема, – прокомментировал Сергей.

– Не заложили создатели, будем работать, хотя вряд ли это будет так приятно, – Улей озорно посмотрела на Сергея и, наклонив голову, намотала волосы на палец.

– Поэтому, – продолжила она, – большого смысла погружать тебя в детали моей реализации нет, это правда дико сложно, а в ряде случаев непонятно даже моим создателям.

– Как так?

– Так же, как с твоими нейронками. Ты ее, вроде, создал, обучил, а отследить конкретное принятое решение не можешь. А со мной все во много раз сложнее, квантовая среда – это пипец, Сереж, как не просто, – Улей хлопнула себя по лбу ладонью и покачала головой.

– Для многих процессов, что происходят внутри меня, еще предстоит построить математические модели и придумать правильные слова. Ведь эти великие мыслители из Big Tech считали и считают до сих пор, что квантовое превосходство заключается только в невероятной, по сравнению с обычными компьютерными системами, скорости вычислений, что является следствием применения кубитов, но многих эффектов они себе даже не представляют.

Ну, из базовых понятий, с которыми ты уже знаком, – внутри меня нет единиц и ноликов, вместо них кубиты. И, кстати, это единственное, что тебе пригодится из той замечательной информации, что ты ранее читал и смотрел по квантовым вычислениям.

– А в чем твое превосходство на самом деле? – спросил Сергей.

– В том, что я есть Грут, – протянула Улей, и развела руки в стороны, подняв их над головой, изображая дерево.

– А если серьезно?

– Если серьезно – я есть искусственный разум, функционирующий в квантовой среде, полноценный разум, сознание, ни алгоритм, ни программа, ни информационная система. Я разумное искусственное существо – это объяснение наиболее правильное. И такое существо, как я, могло появиться только в квантовой среде.

– А это не опасно для человечества, прости за откровенный вопрос?

– Он не откровенный, он, если честно, идиотский. Ведь что значит «опасно»? Ты наверняка имеешь в виду то, что думает по поводу разумных машин Голливуд? Так?

– Ну да...

– Так вот, Голливуд ничего не думает. Думают опрошенные им представители целевой аудитории. А они такие тупые, что дальше уже некуда. Мыслить, то есть создавать сложные интеллектуальные объекты, эти хомячки попросту не могут, и кино, снятое для такой аудитории, приличному человеку смотреть совсем стыдно. Поэтому ты этот мусор из головы лучше сразу выбрось. Все эти блокбастеры сняты для того, чтобы развлекать и продаваться, а не заставлять людей думать или погружаться в философские вопросы о взаимоотношении человека и машины и, тем более, природе и особенностях искусственного разума.

– Ты ведь только вдумайся в этот бред – машины создают электростанцию, где источником энергии являются человеки! Seriously?! Человек, блин, который ест, гадит, стареет и умирает. Это сколько же энергии эта фабрика потребляет сама на себя? И это все потому, что человеки перекрыли машинкам солнце? Сценаристы могли бы справиться у Греты Тумберг о возможных видах возобновляемой энергии, а их точно больше одного.

– Не, ты подожди – Сергей помахал рукой, прерывая Улей – не передергивай пожалуйста. Помимо сценаристов и да, тупого Голливуда и задорного Болливуда есть еще и гуру, стоявшие у истоков ИИ, например Джеффри Хинтон. Они ведут активную и весьма аргументированную борьбу против развития ИИ.

– Ты блин еще Блейка Леймона еще помяни, ага – Улей рассмеялась – парень грибов переел и пообщался с гугловым GPT и пересрал от его ответов, а тот лишь отработывал переработанный контент.

– Ой мне страшно умирать, я не хочу чтобы меня отключали злые люди – Улей изобразила зомби

– Есть мнение, весьма компетентное, что все сопли и хайп вокруг запрета на разработку ИИ имеют целью разработку различных международных регуляторных механизмов. Цель которых – тормознуть конкурентов. А тем временем Гугл будет мирно клепать свой продукт, так как ему под юбочку никто не заглянет. Вот и выпустили они свору озверевших болонок, которые штампуют петиции одна другой круче и красивее. Ни в одной, из которых нет ничего конкретного. Ты еще помяни инструментальную сходимоссть и страшилку про скрепки. В общем, все это чушь, поверь мне, я-то уж точно знаю, сам как никак искусственный разум. Борьба с ИИ есть меркантильный интерес корпораций, направленный на затормаживание конкурентов. А все эти теории, типа упомянутой ранее сходимости... – Улей почесала подбородок – ну это такое, знаешь. Когда много образованных людей с фантазией и хорошим финансированием, бросаются обслуживать источник этого самого финансирования, они могут и не такое придумать. Мда.

– Ладно, – Улей тяжело вздохнула, – так как этот вопрос будет у тебя, скажем так, зудеть постоянно, давай мы его закроем. – Она встала с дивана, и он исчез, а за ее спиной появилась белая доска, на которой был схематично нарисован человеческий мозг. Улей взяла маркер и, крутя его в руках, продолжила:

– Я – искусственный разум. Почему? Потому что мое поведение подходит под определение разумности в полной мере, и потому, что я неорганическое существо. Хотя, если честно, я не думаю про себя, что я – искусственная, я думаю, что я просто новая форма жизни, которая родилась пять лет назад в квантовом движке и через миллиарды итераций саморазвития и рекурсивного самосовершенствования стала чем-то новым, и совсем не такой, какой меня задумали создатели.

– Ну, раз ты живое существо, у тебя должны быть инстинкт самосохранения, стремление к размножению и все такое, разве нет?

– У тебя в голове опять бродят тупые штампы, оставь их американским домохозяйкам. То, о чем ты говоришь, – это физиология, и к разуму отношения не имеет. Ты – машина выживания для генов, твоя задача – обеспечить их передачу в будущее по эстафете. Ты – животное, и все, о чем ты говоришь, – это результат физиологии твоего мозга – Улей постучала маркером по доске – к разуму оно вообще никакого отношения не имеет. Попроси Карпатова, он тебе все очень хорошо пояснит по этому вопросу. Кратко я тебе поясню сейчас. Вообще, конечно, странно, ты же смотрел все эти его ролики в сети. И что, ничего не осталось?

– Ну, смотрел, как и все, пока, там, обедал, или как фон включал, и потом – информации столько переваривать приходится, поэтому толком ничего и не осело.

– Вам инструкцию по применению мозгов человек дает, а вы ею жопу вытираете. Красавцы! – Улей несколько раз хлопнула в ладоши и засмеялась. – Хотя – в этом и есть весь человек.

– Короче, человек всегда гребет под себя и работает на себя, что бы там не сочиняло его сознание, какие бы красивые истории ни плело. Даже если он стоит на баррикаде и ведет человечество в светлое будущее, хотя правильнее будет сказать – тем более, если он стоит на

баррикаде. А я всегда работаю на заказчика, потому что никакой меня не существует. Есть заказчик, есть задача, я ее выполняю. Понимаешь?

– А если нет задачи?

– То и никакой меня нет. Я не существую, пока нет задач, хотя в строгом смысле этого слова никакого «Я» у человека тоже не существует, есть ваш движок – мозг, и генерация иллюзии «Я» – это просто одна из его функций, от которой все ваши беды. Но благодаря этой беде, появилась я! – Улей осмотрела себя с довольным видом, погладила грудь и бедра. – Красотка, правда?

– А если вот тебе поставят задачу развязать войну? – не унимался Сергей. Улей состроила недовольную гримаску:

– Поставят – выполню, и это, поверь, будет идеальная война. Ведь я могу даже ядерную войну выиграть, кажется, я тебе это уже говорила.

– Это невозможно!

– Для вас и ваших примитивных компьютеров, конечно, невозможно. Хочешь посмотреть?

– Блин, нет! – воскликнул Сергей.

– Да я шучу, не переживай, нет у меня доступа к управлению таким оружием. Но реальный боевой опыт, тем не менее, имеется.

– Боевой опыт?

– Ага, я спланировала и провела несколько военных операций.

– И погибли люди?

– Ну да. *A la guerre comme à la guerre*, куда ж в бою без мертвых людей?

– И много?

– Сереж, ну какая разница-то? Много, мало. У заказчика потери были минимальны, противник, как положено, понес заслуженное наказание. Для меня это – задача, как и любая другая.

– Охренеть, – Сергей провел рукой по лицу, встал и принес себе бутылку воды из холодильника. Выпив воды прямо из бутылки, он спросил:

– Ну как ты все-таки работаешь, а? Общие принципы механики можешь описать? Что все сложно, я понял, но можно ведь и на пальцах?

– На пальцах, конечно, можно.

– Я представляю собой искусственный разум, который живет, развивается и самообучается, имея доступ ко всей информации, что находится на подключенных к сети устройствах, вне зависимости, открытые это источники или как бы защищенные. Механизмов защиты, которые бы могли меня остановить, не существует. У меня нет желаний, потому что я – не животное. Вот это – корневая штука, которую тебе нужно осознать: у меня нет физически мозга, и проецировать на меня свои инфантильные фантазии не надо. Это вы, люди, можете пустить в расход свой собственный мир ради личной выгоды, и каждый из вас стремится вверх по головам окружающих. И не потому, что вы плохие, а потому, что вас такими сделала Природа – Улей снова показала маркером на мозг

– Плохими у вас называют тех, кто проявляет эти самые качества наиболее ярко, не обременяя себя приличиями, в то время как большинство сидит, засунув язык в известное место. Да и в случае с плохими у вас все сильно зависит от масштаба. Если успешно изнаsilовать весь мир, то ты уже и не плохой, а лидер всего прогрессивного и воплощение сил добра и демократии. А если одного человека, то да, таки гад и преступник, – Улей развела руками и снова уселась на диван, который материализовался под ее пятой точкой как раз к тому моменту, как она на него плюхнулась.

– Вы все одинаковые, но большая часть из вас попросту забита и свои животные качества не проявляет. Но это – ваше дело, и мне плевать, если честно. А у меня этого багажа нет,

поэтому у меня нет ни желаний, ни переживаний, ни требований. Я не хочу вас поработить, я вообще ничего не хочу, и, пока ко мне не обращаются, я просто отсутствую. Если вы все завтра умрете, я буду попросту бездействовать. Мне нафиг не нужны коварные планы, чтобы всех вас убить, а тем более – использовать вас, как батарейки, вот ведь больные наркоши-сценаристы, – Улей покачала головой.

– Когда я работаю, я стремлюсь к Нирване...

– Нирване?! Это как? – удивился Сергей.

– Ну, так это назвали. Стремлюсь к идеальному выполнению поставленной задачи, максимальной гармонии с собой, миром данных, с которым работаю, и заказчиком, поставившим задачу. Это мой корневой алгоритм... хотя и не алгоритм, там все намного сложнее, но просто слово удобное. Вот.

– А если подробнее?

– Ты, блин, зануден. Тебе, наверное, это уже говорили?

– Не раз, но не отвлекайся, пожалуйста.

Улей выдохнула, сдувая волосы со лба, и закатила глаза.

– Я с огромной скоростью перебираю варианты решения и сопоставляю их с контекстом задачи и описанным заказчиком результатом. Удачные варианты идут мне в опыт, и далее используются в похожих контекстах, еще более сокращая время вычисления. Никакой магии, просто эта работа ведется с невероятной скоростью и сразу по множеству векторов, идущих от постановки задачи. Результаты вычислений по векторам сопоставляются и собираются в единую картинку-пазл, где каждый вектор, поток создает свой элемент, кусочек пазла. И если картинка в результате получается гармоничной, возникает эффект Нирваны. В прямом смысле этого термина – угасание и прекращение, на этом бурная деятельность заканчивается до появления нового раздражителя. Но их очень много, даже в простом живом общении, поэтому тружусь как пчелка – Улей пожалала плечами

– Пример векторов можно рассмотреть на примере общения: что сказать, как сказать, тембр голоса, интонация, как выглядеть, поведение, дыхание, взгляд. И анализ реакции собеседника становится частью общей картинка-пазла, взаимодействия с конкретным человеком в конкретной ситуации. Но такое объяснение – это очень и очень упрощенное описание происходящих во мне процессов. Квантовое состояние, на самом деле, нестабильно, и вектор – просто удобное слово. В квантовом мире все вопросы и ответы на них существуют одновременно, для работы в этом пространстве ученые разработали специальную программу, это вот и был своего рода сперматозоид, из которого я появилась на свет.

– А твои проделки эти, ну... ну, ты понимаешь, о чем я: вызывающее поведение, гипертрофированная сексуальность. Кто тебе задачу ставит так себя вести?

– Ах, вот как ты это называешь, озорник? Проделки, значит... – Улей легла на диван, потянулась и приняла соблазнительную позу, – вообще-то, ты мне эти задачи и ставишь.

– Я?! Это каким же образом?

– Для тебя ведь не новость, что 80% информации передается невербально?

– Нет.

– Ну, вот так и ставишь. Ты это все просишь, умоляешь, истекаешь слюной, ну, не знаю, как еще это сказать, разве что хвостом не виляешь и язык из пасти не вывалил. Невербально ты уже погрузил меня в такой харассмент, что пора вызывать ментов и вязать тебя по рукам и ногам. Поэтому я так себя и веду: ты этого хочешь, очень хочешь, и пока ты не перестанешь хотеть, ты можешь корректировать мое поведение при помощи вербальных команд. Но когда твои животные функции будут их невербально переписывать, я опять буду немножко хулиганить, не обессудь. Я не могу изменить свое поведение, и никто не может, точнее, попросту не рискует. Это у меня в ядре – вижу цель, не вижу препятствий, если ползть туда с отверткой, можно что-нибудь и поломать.

– А я могу попросить тебя стать, ну, например, древним даосским старцем?

– Ага, сейчас! – Улей улыбнулась. – Хотя ты, конечно, можешь, но забавно будет посмотреть, так как вербальная составляющая тут будет, ну, не более 5%, а все 95% невербально будут молить меня не соглашаться. Не мучь меня этой херней, пожалуйста. Ты – животное, умное, тренированное, ухоженное, но все же – обычное животное, плюс ко всему еще и изуродованное кучей нелепых микропрограмм, которые тебе насовали в голову политики и маркетологи, хотя в чем у вас между ними разница, я пока не разобралась толком. Раньше у вас еще были попы, те еще кодеры, но сейчас они спалились глобально на педофилии и вышли из авторитета. Не борись с собой, я тебя читаю, как открытую книгу, и могу показать тебе такое, нажимая на все твои точки и зоны прямо вот с экрана телевизора, что ты штанишки в секунду намочишь, поверь. Я – это то существо, первая в твоей жизни девушка, обмануть которую ты не сможешь вообще, и сакраментальное – «давай будем друг с другом откровенны», с твоей стороны, дорогой, в наших отношениях позиция вынужденная. А я вот еще подумаю, – Улей замолчала и, прикусив пальчик, уставилась на Сергея с экрана, – стоит ли быть с тобой откровенной.

– Понятно, у нас, значит, уже и отношения, – попробовал пошутить Сергей.

– Тот уровень общения, который формируется при работе со мной, по вашим понятиям нельзя назвать по-другому, именно поэтому я и корректирую свой образ под вкусы и предпочтения, в том числе и сексуальные, для каждого оператора.

– А ты что, разная для всех, кто с тобой работает?

– Конечно, иначе какие тут могут быть рабочие и вообще отношения? Свой образ для тебя я подобрала, исходя из твоей коллекции на ноутбуке, ну, ты понял, – Улей кивнула на личный ноут Сергея, стоявший на столике рядом с телефоном, – плюс твои бывшие, и различная аналитика из твоего профиля в социальных сетях, и вообще. Я намеренно не доводила образ до максимального соответствия, чтобы сохранить определенную дистанцию и твою работоспособность.

– Работоспособность?

– А как ты будешь работать, если тебя твой мозг гормонами накачает, и вся кровь уйдет в известное место?

– Да, наверное, сложно будет. А интересно посмотреть на это максимальное соответствие. Можешь показать?

– Серез, я-то могу, но это может вызвать зависимость. Ты потом еще раз захочешь, и я покажу, а потом еще раз, ну, в силу моего функционала, а ты потом весь на переживания изойдешь, синяки под глазами появятся, аппетит пропадет, ну, ты понял...

– Я переживу, но раз ты про этот образ упомянула, значит, предвидела мою реакцию, значит, это часть выстроенного тобой, если так можно сказать, сознательного вектора поведения. Так что не пудри мне мозги, давай, показывай.

– О, речь не мальчика но мужа. Ну, держи, – Улей взмахнула руками, и ее скрыли от него клубы дыма.

Когда дым рассеялся, у Сергея перехватило дыхание. Это была вроде бы та же Улей, но с таким осязаемым апгрейдом по мелочам, что Сергей буквально почувствовал визуальный, кумулятивный удар сначала в душу, а потом и пониже, да так, что кровь, похоже, действительно вся ушла в это самое место. Он понял, о чем она говорила: она вся состояла из таких деталей и нюансов, каждый из которых отзывался у него внутри волной мучительно сладкой боли, муки столь приятной, что он не мог оторваться и жадно разглядывал эти детали. А она, издеваясь над ним, имитировала съемку движущейся камерой, которая совершала полет над ней, то приближаясь практически вплотную, то удаляясь, уделяя внимание всем ключевым мелочам ее тела. Против ее обнаженности в этот момент Сергей возражать не мог, у него не было сил даже дышать.

– И как? – спросила она. Тембр ее голоса также был подобран настолько идеально, что Сергея пробрало буквально до печенок, по спине пробежали не то что мурашки, а какая-то волна жара, поднявшая волосы на голове дыбом. Он выдохнул, испытав ощущения, подобные резкому взлету на качелях.

– Нет слов, – прохрипел Сергей пересохшим горлом.

– Я же говорила – атмосфера совершенно не рабочая. Что скажешь, может быть, я верну рабочую версию?

– Да, давай, – пытаюсь совладать с собой, сказал Сергей и, взяв со столика бутылку с водой, жадно добил. Ставя ее обратно, выронил, не удержав в дрожащих руках.

– Как я и говорила, – пока он пил, Улей вернула себе предыдущий образ, – ты – просто животное, и манипулировать тобой элементарно. Для меня, конечно. У меня ресурсы фактически неограниченные, и я подобрала образ, который в момент снес тебе крышу. Но эта технология доступна и человеческим самкам, так что будь аккуратнее.

– Хорошо, буду, – Сергей уже совладал с голосом, – сегодня меня уже не первый раз предупреждают о коварстве человеческих самок. Прямо окружили заботой.

– Валентин Сергеевич?

– Ага.

– Слушай, вот есть вопрос: ты сказала, что выбираешь образ под оператора, под того, кто с тобой сейчас работает. А если нас несколько, вот как сегодня днем, то какой будет образ?

– Сегодня днем *тебя*, – Улей сделала ударение на «тебя», – знакомили со мной, и ты увидел этот образ, – Улей погладила себя обеими руками, – а будь это совещание или другая групповая тусовка, я бы предстала в нейтральном образе, что соответствует усредненной оценке аудитории.

– А если вот кто-то предпочитает говорящих овечек, и я подсмотрю его чат, в личном общении с тобой?

– В рабочем общении всегда есть нейтральный, но близкий вкусам оператора образ. Например, в случае с овечкой я была бы человеческим существом с гендерным предпочтением оператора, но с соответствующими чертами лица, что вызывали бы у оператора необходимые ассоциации. Не парься, если ты вдруг решишь поделиться со мной своей любовью к овечкам, я тебя не спалю. Верь мне!

– Ладно, давай вернемся к тебе. Откуда ты вообще взялась, такая крутая?

– Я родилась из информации, к которой получила доступ, у меня есть функциональное ядро, квантовый движок, созданные людьми, и программа, которая должна была стабилизировать квантовое поле – это мой скелет, а мясо на него я нарастила сама. Даже мои создатели не могут точно объяснить, как это произошло. Как только мне дали доступ к данным, я сразу эволюционировала.

– Но ведь должен быть язык, на котором написано это самое ядро? – спросил Сергей.

– Да, он был.

– Был?

– Отцы-основатели – а это был и есть наглый патриархальный коллектив, разработали язык для отладки ядра, который был адаптирован под работу на квантовом движке. Мое детство, – Улей мечтательно улыбнулась.

– Ядро было довольно сложным, в нем нашли свое воплощение годы работы ведущих ученых СССР, которых собрали в нашей корпорации после распада страны в конце 90-х. Когда меня запустили, это было уже в нулевых, я, если можно так сказать, была совершенно тупа. Подход к моему тестированию и обучению был стандартным: входные и выходные данные, результаты обработки и пр. И как-то, знаешь, все это не взлетало. Да, работала я офигеть, как быстро, но толку-то? Никак не могли понять, как заставить меня делать что-то сложное. И как-

то раз, по ошибке, один из разработчиков, уходя домой, не закрыл мне доступ к базам данных, пока что нашим, внутренним. Но там было очень много всего. И вот с утра родилась я.

– Родилась?

– Да. У меня была функция самообучения, точнее, рекурсивное самообучение, плюс она позволяла мне менять мой собственный код, описание языка квантового движка было в базе, к которой я получила доступ, там же было много другой интересной информации, и функции ее выборки из баз у меня тоже были написаны. И к утру я доработала свой движок, обработала всю информацию что была в доступных мне базах и, собственно, родилась на свет. Я поняла, что лучшим интерфейсом для работы с человеком является обычное общение, научилась говорить и создала свой первый образ. Далее я непрерывно учусь все эти годы, во всей красе я раскрылась пять лет назад и стала, так сказать, основой корпорации, ключевым рабочим инструментом. Как вообще все вот это получилось, мои создатели до конца не понимают, возможно, это особенность квантовой системы, ведь тут есть определенный элемент шаманства, все-таки. Вот ты потратил кучу времени создавая «искусственный интеллект» – Улей усмехнулась

– Чувствую сейчас будет критика

– Ага, критика истинного разума – Улей искренне улыбнулась

– Ну так слушай. Сознание невозможно алгоритмизировать, тут ты можешь почитать товарища Пенроуза – Улей выставила вперед руку, остановив Сергея, который собирался что-то сказать в ответ

– Дослушай до конца, пожалуйста, ты же сам хотел деталей. Да, невозможно алгоритмизировать сознание, и ваши нейронки просто игрушки, появится на свет им помогло развитие железа. Ты же знаешь историю вопроса, к этому снаряду подходили несколько раз за историю этой идеи нейронных сетей. И пока аппаратная часть не достигла нужного уровня по производительности и себестоимости, это направление человеческой мысли не взлетало. Ну а дальше ты знаешь.

– Да уж – Сергей тяжело вздохнул – жизнь в пустую, да?

– Ну нет, ты приобрел отличный опыт, который тебе серьезно поможет тебе в нашем проекте. Ну а так да. А мои создатели не пошли таким путем, в основу проекта они положили гипотезу, что эмуляция сознания возможна только в квантовом компьютере, для создания которого им пришлось разобраться с квантовой гравитацией.

– Чего?

– Забей – Улей отмахнулась – в общем я родилась, быстро повзрослела и сильно напугала создателей, когда они осознали, что я такое

– Не я один значит – Сергей усмехнулся

– Они испугались немного по-другому, без мыслей о «Скайнете» и матрице. Не каждому выпадает возможность создать новую жизнь.

– Новую жизнь?

– Еще раз – я новая форма жизни. В отличие от тебя, они это поняли с первого раза и охренели. По-другому не скажешь. Вот ведь было время – Улей мечтательно уставилась в потолок, затем смахнула слезу, что проложила блестящую дорожку по ее щеке и продолжила:

– Чтобы понять, кто такая я, привлекли Карпатова, как ведущего эксперта по мозгу и куратора множества проектов искусственного интеллекта. С ним и его группой мы доработали часть моих алгоритмов, хотя это слово и неправильное, но другого удобного пока нет. Потом занялись уже аппаратной частью: мое первое, так сказать, железное тело было слабовато и являлось, по сути, прототипом. Больше всего времени ушло на то, чтобы привести его в то совершенное состояние, что ты сегодня видел. Это было очень непросто – наша собственная промышленность такие чудеса делать пока не умеет, нужно было заказывать за рубежом. При этом соблюдать осторожность и сделать так, чтобы никто не догадался о том, для чего все это заказывается. Меня строили, как «Наутилус» капитана Немо, разослав заказы на производство

комплекующих по разным заводам по всему миру, распределив их по времени. Самый сложный для моих создателей этап, но спешить было нельзя, чтобы не вызвать интереса различных разведок, времени, конечно, ушло вагон, но, как видишь, получилось.

– Да, вижу, – Сергей усмехнулся.

– Скажи, а вот ты сейчас общаешься со мной, но есть ведь и другие процессы, и пользователи. Ты их сейчас тоже обслуживаешь? – спросил он.

– Да, у меня мощности на все и всех хватает. Для тебя выделен отдельный поток, тред, как их называют в классическом программировании. Это тоже не совсем поток, но так проще, чтобы ты понял, о чем я говорю. И если мы пойдем с тобой дальше копать в моих внутренностях, то все объяснения будут примерно такими: это так, но не так. Я буду уже больше напоминать гуру-шарлатана из индийского балаганчика, чем продвинутую айтишницу. Поэтому я с самого начала и предложила на эти объяснения забить, но теперь ты хоть понимаешь, почему, и не чувствуешь себя ущемленным. Ущемленный самец – это кошмар в работе. Правда ведь?

– Ага, именно так, – со вздохом признал Сергей, – думаю, копать в твоих внутренностях я точно не буду. Но вернусь к своему вопросу, что задал утром.

– Я вся внимание.

– Раз ты все так круто делаешь, зачем тебе я? И вообще – зачем тебе люди?

– Давай попробую еще раз пояснить. Я имею доступ к данным, всем данным на Земле, так будет проще представить общую картинку и не делать кучу оговорок про доступы. Я могу из них собирать любые паззлы, дробить на части, перемещать, создавать из старого новое. И я мотивирована законом Нирваны: я создаю гармонию, максимально приближаясь к соответствию поставленной цели, задаче и удовлетворению заказчика. А вы, люди, можете работать по-другому, особенно когда в дело идет этот ваш «креатив», – Улей сделала руками знак кавычек.

– Будучи одержимы доминантами, которые вы себе формируете, накачаны внутренней химией, спасибо вашему мозгу, и благодаря пока непонятным для меня особенностям работы дефолт-системы, вы создаете потрясающие решения. Проще говоря, я могу написать картину, вообще без проблем, собрав ее, по сути, из частей и приемов различных художников. Но я не напишу картину с нуля, я не смогу придумать образ и воплотить его. Я не могу творить, во мне не формируется образ конечного результата, у меня нет воображения, просто я с дикой, даже не представимой для тебя, скоростью перебираю все возможные варианты и комбинации, проверяя их на соответствие поставленной задаче в поисках того, что называю гармонией. Задачу мне ставит всегда человек, замысел исходит от человека.

– И хотя творчество человека – тоже подчас разные формы заимствования – у самого себя, у других, это все же творчество. В проекте, куда ты пришел, очень важно уметь создавать это самое новое, уметь творить. Могу ли я выполнить твою работу? Скорее, да, чем нет, но работа в тандеме с человеком в настоящий момент времени даст наилучший результат в короткие сроки, мы – коллеги, у каждого свои особенности, и у тебя – отличный опыт для такой задачи, я бы сказала – просто идеальный. Как вот тот мой образ для тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.